Поляки
и евреи.

Ч 27/305.

II/27
1305

ПОЛЯКИ и ЕВРЕИ

МАТЕРІАЛЫ О ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКОМЪ СПОРѢ ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА О ГОРОДСКОМЪ САМОУПРАВЛЕНІИ ВЪ ПОЛЬШѢ.

ИЗЪ СТАТЕЙ И ЗАЯВЛЕНІЙ

депутата Грабскаго, Р. Дмовскаго, Н. Дубровскаго, Вл. Жаботинскаго, деп. И. Петрункевича и А. Свѣнтоховскаго.

Книгоиздательство
М. С. КОЗМАНА ВЪ ОДЕССѢ.

II 27/305

ПОЛЯКИ и ЕВРЕИ

МАТЕРІАЛЫ О ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКОМЪ СПОРѢ ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА О ГОРОДСКОМЪ САМОУПРАВЛЕНІИ ВЪ ПОЛЬШѢ.

ИЗЪ СТАТЕЙ И ЗАЯВЛЕНІЙ

депутата Грабскаго, Р. Дмовскаго, Н. Дубровскаго, Вл. Жаботинскаго, деп. И. Петрункевича и А. Свѣнтоховскаго.

II-11215.

Публич. Румянцов. Музей

Книгоиздательство
М. С. КОЗМАНА ВЪ ОДЕССѢ.

Одесса, 1911

2007050508

ОДЕССА.

Типо-литографія Книгоиздательства М. С. Козмана.

Предисловіе.

Въ виду интереса, вызваннаго польско-еврейскимъ конфликтомъ и въ непосредственно заинтересованныхъ кругахъ и въ безпристрастномъ русскомъ обществѣ, мы сочли полезнымъ собрать въ этой брошюрѣ наиболѣе характерныя мнѣнія по этому вопросу какъ польскихъ и еврейскихъ, такъ и русскихъ публицистовъ и дѣятелей. Въ дальнѣйшемъ приведены цѣликомъ или въ извлеченіяхъ: статьи сіониста В. Жаботинскаго, печатавшіяся въ „Одесскихъ Новостяхъ" и вызвавшія значительный шумъ въ варшавской польской печати; статьи бывшаго депутата и лидера народовой демократіи Р. Дмовскаго, духовнаго вождя польскихъ прогрессистовъ А. Свѣнтоховскаго, а также помѣщенное въ газетѣ „Slowo" интервью съ деп. Грабскимъ; наконецъ, съ русской стороны, обстоятельное „Письмо изъ Польши" Ник. Дубровскаго, напечатанное въ „Одесскомъ Листкѣ" (г. Дубровскій состоитъ также варшавскимъ корреспондентомъ „Рѣчи"), и заимствованное изъ „Новаго Восхода" интервью съ извѣстнымъ лидеромъ партіи народной свободы деп. И. И. Петрункевичемъ. Такой подборъ матеріала объясняется желаніемъ дать слово и сторонѣ, обвиняющей поляковъ въ антисемитизмѣ, и полякамъ, выдвигающимъ въ отвѣтъ встрѣчныя обвиненія, и русскимъ — сторонѣ безпристрастной и нейтральной.

Для лицъ, непосвященныхъ въ существо польско-еврейскаго спора, возстановимъ бѣглыми чертами главные этапы его за послѣднія пять лѣтъ, т. е. начиная съ выборовъ въ первую Гос. Думу. Какъ въ Варшавѣ, такъ и въ польской провинціи первая избирательная кампанія рѣзко и отчетливо раздѣлила общество на два лагеря—польскій и еврейскій, причемъ съ польской стороны предвыборная агитація носила несомнѣнно антисемитскій характеръ. Съ этого момента антагонизмъ непрерывно возрастаетъ. Въ представительство Польши во всѣхъ трехъ Думахъ не былъ избранъ ни одинъ еврей. Между тѣмъ, благодаря сво-

бодѣ печати, въ Варшавѣ возникла и широко развилась жаргонная пресса; въ настоящее время она насчитываетъ 4 ежедневныхъ органа съ общимъ тиражемъ до полутораста тысячъ экземпляровъ. Общій тиражъ польской ежедневной прессы значительно, едва ли не наполовину ниже. Столь же успѣшно развивается жаргонный театръ. Попутно съ этимъ ростомъ культурныхъ начинаній крѣпнетъ и національное самосознаніе еврейской массы въ Польшѣ. Все это вызвало у поляковъ опасеніе за чисто-польскій характеръ края, нарушаемый и разрѣжаемый наличностью этой почти двухмилліонной массы, очевидно стремящейся къ созданію особой національной культуры. Началась въ польской печати кампанія противъ жаргона и еврейскаго націонализма, принимающая съ каждымъ днемъ все болѣе рѣзкія формы; извѣстную роль здѣсь играетъ и тотъ (впрочемъ, врядъ ли серьезный и вполнѣ искренній) мотивъ, что жаргонъ близокъ къ нѣмецкому языку и, такимъ образомъ, можетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ польскихъ политиковъ, оказаться авангардомъ будущей германизаціи Польши.

Конфликтъ осложняется наличностью довольно значительной еврейской иммиграціи въ Польшу изъ Литвы, Бѣлоруссіи и Юго-Западнаго края. Поляки называютъ этихъ иммигрантовъ, всѣхъ безъ различія, „литваками“ и считаютъ ихъ главными сѣятелями еврейскаго націонализма—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, руссификаторами края (такъ какъ интеллигентная часть „литваковъ“ говоритъ по русски). Сколько такихъ „литваковъ“ въ Царствѣ Польскомъ, точно сказать нельзя; во всякомъ случаѣ, по мнѣнію многихъ компетентныхъ лицъ, прекрасно знающихъ край, ихъ тамъ не больше 150 тысячъ (считая и дѣтей, уже рожденныхъ въ Польшѣ), т. е. менѣе 10 процентовъ мѣстнаго еврейскаго населенія. Экономическая роль этихъ иммигрантовъ не вызываетъ серьезныхъ нареканій даже съ польской стороны; напротивъ, и польская печать нерѣдко признаетъ ихъ заслуги въ промышленномъ и торговомъ оживленіи края, особенно же въ созданіи столь важной для Польши торговли съ внутренней Россіей. Конфликтъ, такимъ образомъ, разыгрывается на чисто-національной и политической почвѣ.

Польскія партіи со все возрастающимъ недовѣріемъ косятся на этотъ и количественный, и культурный ростъ инороднаго меньшинства. Года два тому назадъ Р. Дмовскій печатно заявилъ, что въ ассимиляцію этого меньшинства онъ не вѣритъ; о мирномъ сожительствѣ двухъ національностей на территоріи Польши, съ его точки зрѣнія, тоже не можетъ быть рѣчи; слѣдовательно, остается только третій исходъ — борьба и вытѣсненіе. Этотъ

взглядъ нашелъ много сторонниковъ въ польскомъ обществѣ. Былъ выдвинутъ лозунгъ „полонизаціи мѣщанства", т. е. бойкота еврейской торговли и ремесла, съ цѣлью вытѣснить изъ этихъ функцій еврейскій элементъ и замѣнить его польскимъ. Этотъ бойкотъ уже давно велся въ мѣстечкахъ и селахъ, подъ руководствомъ ксендзовъ; теперь онъ получилъ новый толчокъ и, какъ гласятъ всѣ свѣдѣнія изъ Польши, непрерывно усиливается. Впрочемъ, чувствуется онъ только въ мелкихъ городахъ, т. е. тамъ, гдѣ какъ разъ почти совсѣмъ нѣтъ „литваковъ": послѣдніе осѣдаютъ главнымъ образомъ въ Варшавѣ и въ Лодзи, гдѣ еврейство представляетъ само крупную экономическую силу, способную парализовать всякія попытки бойкота. Зато противъ „литваковъ" была начата открытая кампанія въ польской печати. Первый шагъ сдѣлала, съ годъ тому назадъ, газета „Dzien", а потомъ — особенно съ момента, когда возникъ вопросъ объ участіи евреевъ въ городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ—кампанію противъ „литваковъ" подхватила и остальная польская пресса, причемъ наряду съ „литваками" стало доставаться и евреямъ вообще. Извѣстный польскій писатель А. Нѣмоевскій, радикалъ и борецъ противъ клерикализма, выступилъ съ проповѣдью „прогрессивнаго антисемизма", требуя устраненія евреевъ изъ польскихъ прогрессивныхъ и соціалистическихъ организацій.

Послѣднимъ и кульминаціоннымъ этапомъ антагонизма явился вопросъ о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ. По правительственному законопроекту, внесенному въ Думу, еврейскихъ избирателей предполагается выдѣлить въ особую курію, причемъ число гласныхъ, избираемыхъ этой куріей, не должно превышать 10 процентовъ общаго числа гласныхъ даннаго города; и только въ тѣхъ городахъ, гдѣ евреи составляютъ больше половины населенія, процентъ еврейскихъ гласныхъ повышается до 20. Между тѣмъ евреи составляютъ свыше 40 проц. городского населенія Польши, въ томъ числѣ въ Варшавѣ—25,8%, въ Лодзи —31,4, въ Люблинѣ — 48,2, въ Ченстоховѣ — 31,9. Во всѣхъ этихъ важныхъ центрахъ краевой жизни имъ по законопроекту предоставлено избирать не больше одной десятой части городскихъ гласныхъ. Законопроектъ этотъ вызвалъ большое возмущеніе среди евреевъ какъ въ Польшѣ, такъ и во всей Россіи. Польское же общественное мнѣніе отнеслось къ нему двойственно. Въ нѣкоторыхъ органахъ появились указанія на то, что, если не будетъ ограниченій для евреевъ, половина вліянія на городскія дѣла будетъ вырвана изъ польскихъ рукъ. Въ печать проникли слухи, что народовые демократы и реалисты склоняются къ ограниченіямъ...

Наконецъ, законопроектъ вступилъ въ думскую коммиссію, которая и занялась вопросомъ о правахъ евреевъ. Представитель „кола“, деп. Грабскій, высказался противъ ограниченій, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы не было для евреевъ особой куріи. Мотивировалъ онъ свою точку зрѣнія тѣмъ, что при совмѣстныхъ выборахъ евреямъ придется выбирать въ гласные тѣхъ изъ своихъ, кого пожелаютъ поляки. Если же сохранить куріи, то евреи получатъ возможность выбирать, кого имъ угодно, и тогда ораторъ „даже затруднился бы назвать справедливый $^0/_0$ ограниченій для евреевъ-гласныхъ“. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ голосованіи рѣшено было 13 голосами противъ 12 еврейскую курію сохранить. Затѣмъ коммиссія приступила къ голосованію вопроса о томъ, ограничить ли число гласныхъ отъ еврейской куріи. Оба польскихъ депутата воздержались отъ голосованія. Получилось 11 голосовъ за ограниченія и 10 противъ.

Такова ситуація, послужившая исходной точкою той полемики, съ которой мы хотимъ познакомить читателя.

Споръ, какъ нами было указано выше, носитъ національно-политическій характеръ, безъ всякихъ примѣсей экономическаго антагонизма: даже стремленіе вытѣснить евреевъ изъ торговли и ремесла опирается на мотивы исключительно національнаго характера—на желаніе замѣнить еврейскихъ купцовъ и ремесленниковъ поляками. Притомъ со стороны евреевъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о претензіи навязать свой языкъ и обычай польскому народу, да никто ихъ въ этомъ и не обвиняетъ. Ихъ обвиняютъ только въ томъ, что они не хотятъ ассимилироваться, воспринять польскій языкъ въ качествѣ родного, а желаютъ, напротивъ, жить и развиваться на территоріи Польши въ качествѣ особой народности, говорить, писать и учиться на своемъ собственномъ языкѣ. Иными словами, евреевъ обвиняютъ только въ томъ, что они требуютъ для себя въ Польшѣ такъ называемыхъ „правъ національнаго меньшинства“—тѣхъ самыхъ правъ, которыхъ требуютъ для себя, напримѣръ, польскія партіи на Литвѣ, гдѣ поляки составляютъ всего около $9^0/_0$ населенія, и въ Бѣлоруссіи, гдѣ ихъ не больше $3^0/_0$. Это требованіе со стороны евреевъ въ Польшѣ представляется, очевидно, непріемлемымъ для польскихъ политиковъ. За исключеніемъ соціалистическихъ фракцій, совершенно лишенныхъ теперь реальнаго вліянія, ни одна изъ польскихъ партій, начиная съ народовой демократіи и кончая прогрессистами, не соглашается признать за евреями въ Польшѣ права національнаго меньшинства; разница между отношеніемъ партій только та, что народовецъ Дмовскій не вѣритъ въ ассимиляцію и потому не хочетъ дать евреямъ

даже простого гражданскаго равноправія, тогда какъ прогрессистъ Свѣнтоховскій вѣритъ въ будущую ассимиляцію и *только потому* соглашается на гражданское равноправіе. Такимъ образомъ, и у тѣхъ, и у другихъ равноправіе обусловливается одной и тою же conditio sine qua non: ассимиляціей, отказомъ евреевъ отъ своего языка и національной личности. Сосуществованіе двухъ народностей на территоріи Польши и народовцы, и прогрессисты считаютъ недопустимымъ.

Остальныя детали, а также общіе выводы выяснятся для читателя изъ дальнѣйшаго. Со своей стороны, намъ остается только указать, что, выпуская въ свѣтъ эту брошюру, мы движимы однимъ желаніемъ: черезъ выясненіе истины предъ глазами прогрессивнаго общества содѣйствовать установленію мирныхъ добрососѣдскихъ отношеній между всѣми группами населенія въ Царствѣ Польскомъ.

Поляки и евреи.

Вл. Жаботинскаго.

I.

Телеграмма гласитъ: «Ограниченія правъ евреевъ въ городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ приняты 11-ю голосами противъ 10-ти, причемъ поляки воздержались отъ участія въ баллотировкѣ». Въ думской коммиссіи, разсматривающей законопроектъ о введеніи городового положенія въ Польшѣ, участвуютъ два польскихъ депутата: Грабскій и Монтвилль. Если бы эти двое голосовали за равноправіе евреевъ, оно прошло бы въ коммиссіи большинствомъ 12 голосовъ противъ 11. Польскіе депутаты заранѣе подсчитали это соотношеніе—и отошли въ сторону, чтобы не мѣшать «москалямъ» въ расправѣ надъ польскимъ еврействомъ...

Въ Варшавѣ есть одинъ истинно-польскій «израэлитъ» д-ръ Нуссбаумъ. Еврейскіе ассимиляторы въ Польшѣ примыкаютъ, обыкновенно, или къ прогрессивно-демократической партіи, или къ соціалистамъ. Г. Нуссбаума эти партіи не удовлетворяютъ въ смыслѣ ихъ polskosci: онъ предпочелъ имъ, съ мѣста въ карьеръ, народово-демократическій лагерь. На этомъ поприщѣ онъ теперь и подвизается. И вотъ недавно, когда въ «Рѣчи» появилась негодующая статья по поводу рѣшенія одной вліятельной польской организаціи голосовать за ограниченіе еврейскихъ правъ въ мѣстномъ самоуправленіи, г. Нуссбаумъ выступилъ съ открытымъ письмомъ противъ «Рѣчи». Письмо это было построено на двухъ мотивахъ: во-первыхъ, не мѣшайтесь вы, москали, въ нашу внутреннюю борьбу; во-вторыхъ, если «Рѣчь» такъ твердо стоитъ за еврейскія права, то у нея достаточно хлопотъ по этому дѣлу въ остальной Россіи, и незачѣмъ искать ихъ въ Польшѣ.

О первомъ мотивѣ будетъ рѣчь дальше, а теперь о второмъ. Этотъ доводъ часто приходится слышать: — Отчего вы

всѣ такъ сердиты на польскій антисемитизмъ и такъ молчаливо проходите мимо союзническаго и оффиціальнаго антисемитизма? Не потому ли, что поляки сами слабы, сами угнетены, и на нихъ легче сорвать досаду?—Было бы нетрудно отвѣтить на этотъ упрекъ отводомъ, доказавъ документально, что мои единомышленники не проходятъ молчаливо ни мимо союзническаго, ни мимо казеннаго антисемитизма. Но въ данномъ случаѣ гораздо лучше будетъ прямо поднять перчатку и сказать: да, это правда, мы считаемъ необходимымъ въ этотъ моментъ направить всѣ силы на борьбу именно съ польскимъ антисемитизмомъ, и на это есть у насъ большія и серьезныя принципіальныя причины.

Первая изъ нихъ та, что въ Польшѣ антисемитское движеніе носитъ особенный характеръ. Съ антисемитами въ остальной Россіи, какъ ни велика ихъ фактическая власть, нельзя считаться идейно. Можно протестовать, негодовать, изыскивать способы борьбы и отпора, но сражаться противъ этихъ элементовъ идейнымъ оружіемъ нѣтъ никакого смысла. —Совершенно другое дѣло въ Польшѣ. Тамъ активная юдофобія идетъ изъ самой гущи мѣстнаго интеллигентнаго общества; крестовый походъ противъ жаргона ведется съ наибольшей горячностью именно «прогрессивными демократами»; во главѣ послѣдней антисемитской атаки становится извѣстный писатель Андрей Нѣмоевскій, непримиримый поборникъ и застрѣльщикъ польскаго свободомыслія: да и самъ Дмовскій далеко не реакціонеръ, и руководимое имъ коло во второй Думѣ горячо настаивало на своемъ правѣ числиться «лѣвѣе к.-д.». Тутъ есть съ кѣмъ спорить, не унижая себя.

Вторая причина та, что польскій антисемитизмъ (какъ и финскій) для евреевъ оскорбительнѣе и, въ идейномъ смыслѣ, вреднѣе всякаго другого —именно потому, что субъектомъ его является нація, сама жалующаяся на угнетеніе. Поляки сами взываютъ къ справедливости, сами оперируютъ ею, какъ главнымъ своимъ моральнымъ орудіемъ, сами связываютъ свою эмансипацію съ ея торжествомъ. И если при этомъ они отказываютъ въ справедливости евреямъ, то вѣдь это значитъ провозгласить предъ цѣлымъ міромъ, что про евреевъ не только

человѣческій, но и божескій законъ не писанъ. Евреи всюду угнетены хуже поляковъ, они тоже вѣрятъ въ конечное торжество правды, и, если не дано имъ стоять въ ряду счастливыхъ народовъ, они хотятъ, по крайней мѣрѣ, числиться въ категоріи тѣхъ, которые дожидаются тріумфа справедливости, записаны въ ея очередь, имѣютъ право на долю ея даровъ. Антисемитизмъ поляковъ вычеркиваетъ евреевъ и изъ этой категоріи, выталкиваетъ и изъ этой очереди, октропируетъ новое, величайшее изъ ограниченій: что и справедливость не для нихъ!

Вотъ почему нельзя молчать. Можно, отчаявшись, стиснуть зубы и молча страдать подъ гнетомъ министерскихъ циркуляровъ и черносотенныхъ резинъ, но пропустить безъ отпора—и, позволю себѣ сказать, жестокаго отпора—это послѣднее надругательство, надругательство угнетеннаго, было бы со стороны евреевъ равносильно отреченію даже отъ права на будущее. На это они не пойдутъ, и отвѣтятъ полякамъ болью за боль.

На-дняхъ я прочелъ въ одной газетѣ утѣшительное сообщеніе, что, конечно, не весь польскій народъ юдофобствуетъ, а лишь извѣстная его часть и т. д. Ахъ, уважаемый коллега, вы, можетъ быть, и правы, но давно надоѣло это утѣшеніе, *ибо грошъ ему цѣна. Евреевъ всегда увѣряютъ*, что «лучшіе» *за нихъ, и только «худшіе» противъ нихъ*; но бѣда та, что «худшіе» всегда оказываются въ подавляющемъ большинствѣ. Что намъ до ихъ качества? Жить и считаться приходится не съ качествомъ, а съ количествомъ. Если бы и оказалось правдой, что въ Польшѣ есть какіе-то (пока еще не разысканные) общественные элементы, готовые заступиться за евреевъ, то что изъ того, когда они сами безсильны? Гдѣ вліяніе этихъ элементовъ, гдѣ ихъ мощь, отчего они такъ безслѣдно провалились на всѣхъ выборахъ, отчего никто во всей Польшѣ (кромѣ евреевъ) даже не выдвинулъ ихъ кандидатуръ? Или прикажете утѣшиться тѣмъ, что «пролетаріатъ за насъ» онъ «не допуститъ»? Да, ради Бога, перестанемъ разъ навсегда втирать очки другъ другу обѣщаніемъ пролетарской подмоги. Сила пролетаріата въ далекомъ будущемъ; покамѣстъ онъ еще

самъ себѣ помочь не въ состояніи, не то что рѣшать запутаннѣйшія проблемы исторіи...

Выбросимъ, наконецъ, за окно этотъ старый хламъ платоническихъ утѣшеній и взглянемъ правдѣ въ глаза. Когда говорятъ, что «цѣлый народъ» охваченъ такимъ-то настроеніемъ, это не значитъ, конечно, что пѣть исключеній: это значитъ, что настроеніемъ захвачены руководящіе, вліятельные круги, и только съ ними и можно считаться, ибо они въ данную минуту представляютъ народъ, «политическую націю». Это мы теперь и видимъ въ Польшѣ.

Было бы несправедливостью зачислить кого-либо изъ моихъ единомышленниковъ въ вульгарные полонофобы; въ особенности протестовать бы противъ такой аттестаціи пишущій эти строки. Смѣю назвать себя горячимъ поклонникомъ польскаго народнаго характера, польской культурности, польской литературы; сознаю и уважаю высокій трагизмъ польской исторіи, роль «Вильельрида среди націй», сыгранную Польшей въ эпоху великой французской революціи. Больше скажу: мы всецѣло понимаемъ и болѣзненную для поляковъ сторону теперешней польско-еврейской вражды. Ясно помню то впечатлѣніе тяжелаго удара, какое произвелъ на виленскихъ поляковъ исходъ тамошнихъ выборовъ въ первую Думу. У нихъ были исторически-культурныя притязанія на старую Вильну, они считали ее въ сферѣ своего вліянія, они видѣли въ ней арену своего соперничества съ русской культурой—и вдругъ оказалось, что городъ численно въ рукахъ не у поляковъ и не у русскихъ, а у третьей группы, и депутатомъ отъ Вильны прошелъ Шмарья Хаимовъ Левинъ, членъ сіонистскаго комитета и проповѣдникъ мѣстной синагоги Тагарасъ-Койдешъ. Помню, какъ глубоко огорчены были тогда виленскіе поляки, и, не сочувствуя, понимаю это разочарованіе. Тѣмъ болѣе понятно то, что происходитъ теперь въ Польшѣ. Это уже не борьба за Литву, гдѣ поляки, въ концѣ концовъ, даже въ Гродненской губерніи составляютъ всего 10 проц. населенія. Польское общество ошеломлено появленіемъ новой силы внутри самой Польши. Евреи составляютъ до 15 проц. населенія Ц. Польскаго; при этомъ, такъ какъ они сосредоточены главнымъ

образомъ въ городахъ, ихъ отношеніе къ городскому населенію колеблется между 20% и 85%, а въ среднемъ недалеко отъ 50 проц. При этомъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ городовъ они составляютъ абсолютное, въ другихъ (даже въ Лодзи) относительное большинство. Имъ принадлежитъ до 40% город. земельной собственности. Это все не со вчерашняго дня, приблизительно то же отношеніе было и въ 1857 г., но прежде какъ-то не принято было въ Польшѣ считаться съ еврействомъ, какъ съ политическимъ факторомъ. Принималось за достовѣрное, что евреи только временно евреи и сами ни о чемъ другомъ не мечтаютъ, какъ только о превращеніи въ поляковъ. Тонкій слой ассимиляторовъ, единственный посредникъ между польскимъ обществомъ и еврейской массой, поддерживалъ въ полякахъ эту увѣренность. Но мало по малу эта картина рѣзко измѣнилась. Оказалось, что ассимиляторы давно совершенно отрѣзаны отъ еврейской массы, и вліяніе на нее перешло къ элементамъ, выдвинувшимъ лозунгъ самостоятельной еврейской политики. Передъ глазами польскаго общества возникъ цѣлый рядъ симптомовъ этого новаго настроенія. Прежде всего варшавская жаргонная пресса, общій тиражъ которой побѣдоносно соперничаетъ съ тиражемъ польской. Поляки увидѣли въ этомъ, и совершенно справедливо, первый шагъ къ культурному самоудовлетворенію помимо польскихъ источниковъ. Многому научили поляковъ и выборы въ Госуд. Думу: они увидѣли, что еврейское населеніе (даже ассимиляторы), не подчиняясь настроеніямъ, господствующимъ въ польской средѣ, намѣчаетъ для себя собственные политическіе пути. Собственно исходнымъ пунктомъ теперешняго антагонизма надо считать выборы въ первую Думу. Черезъ годъ послѣ того состоялись парламентскіе выборы въ Галиціи, обнаружившіе, на фонѣ всеобщаго голосованія, ту же тенденцію, но съ еще большей яркостью: 30 тысячъ еврейскихъ голосовъ были поданы за еврейскихъ націоналистовъ. Это произвело впечатлѣніе и въ Царствѣ Польскомъ. И вотъ, сначала Дмовскій, а за нимъ теперь Нѣмоевскій вынуждены были заявить ассимиляторамъ: вы оказались банкротами, миѳъ о «полякахъ моисеева закона» такъ и остался миѳомъ, приве-

сти къ намъ еврейскую массу вы не въ состояніи, и эта масса недвусмысленно провозглашаетъ нѣчто для насъ неожиданное и неслыханное: будто въ Польшѣ отнынѣ двѣ націи!

Повторяю, намъ вполнѣ понятно, какъ тяжело на первыхъ порахъ такое открытіе, особенно потому, что оно въ данномъ случаѣ осложняется болѣзненной національной чувствительностью поляковъ. Но, въ сущности и въ корнѣ своемъ, это - лишь варіація того чувства, которое овладѣло европейскимъ феодаломъ, когда онъ увидѣлъ, что на сцену выступилъ новый соискатель власти—буржуазія. Это чувство вообще свойственно всѣмъ власть имущимъ или на нее претендующимъ, когда неожиданно является новый претендентъ. Это чувство само по себѣ не лишено красоты и трагизма, и можно очень красиво описать, какъ это больно и горько, когда въ старое заповѣдное дворянское гнѣздо, въ вишневый садъ, вторгается чумазый разночинецъ. Но когда изъ поэзіи это чувство переносится въ политику, получается просто реакція. Больно было и нѣмцамъ Австріи видѣть, какъ въ имперіи, созданной ихъ руками, рушится единовластіе нѣмецкой культуры, такой возвышенной, такой богатой, и ея мѣстѣ водружается мужицкая чешская рѣчь. И самимъ полякамъ не впервой переживать разочарованія этого рода. Полвѣка тому назадъ польскіе политики въ Галиціи еще увѣряли, что русинъ въ дѣйствительности не существуетъ, а ихъ просто изобрѣлъ намѣстникъ графъ Стадіонъ въ пику полякамъ; и. дѣйствительно, для многихъ поляковъ тогда притязаніе русинъ на самостоятельное національное значеніе было неожиданностью. Но съ такими неожиданностями и разочарованіями приходится рано или поздно примириться, какъ примиряются, въ концѣ концовъ, чиновники съ необходимостью народнаго представительства. аристократы съ неизбѣжностью всеобщаго избирательнаго права. Только это— если стоять на почвѣ политической порядочности— только это и остается полякамъ: примириться. Противъ факта ничего нельзя подѣлать: да, въ Польшѣ двѣ націи, и города Польши, т. е. очаги и вмѣстилища мѣстной культуры, принадлежатъ обѣимъ націямъ поровну. Одни будутъ этимъ огорчены, зато другіе обрадованы; однимъ покажется, что это новый чумазый

лѣзетъ въ вишневый садъ, зато другіе увидятъ въ этомъ торжество принциповъ демократіи, равноцѣнности человѣческихъ породъ. Каждый ощущаетъ по своему, но дѣло не въ чувствахъ, а въ фактѣ. Польша есть страна поляковъ и евреевъ, вообще страна всѣхъ тѣхъ народностей, которыя населяютъ ее: это фактъ, и фактомъ останется.

Ничего нельзя имѣть противъ того, что польскіе національные скорбятъ по поводу этого факта. Скорбь естественна, и можно было бы надѣяться, что, перестроивъ отношенія сожительства на новыхъ началахъ, народности нашли бы сносный modus vivendi. Но совершенно другимъ должно быть наше отношеніе къ тому бунту противъ факта, который теперь съ разныхъ сторонъ поднятъ въ Польшѣ, и особенно къ той неразборчивости въ средствахъ, какая при этомъ проявляется. Во время выборовъ печатались летучіе листки: «Rodacy! Если отъ Варшавы пройдетъ еврей, поклянемся ничего не покупать у евреевъ!» Отъ Варшавы прошли юдофобы, но тѣмъ не менѣе проповѣдь экономическаго бойкота евреевъ безчинствуетъ по всему краю, разоряя сотни еврейскихъ семействъ. Г. Немоевскій идетъ дальше и прямо грозитъ погромомъ. *Народовые* демократы идутъ еще дальше. Погромъ— это, *все-таки, самопомощь*—а польское коло, отбросивъ церемоніи, *зоветъ на помощь самого москаля*, въ лицѣ реакціоннаго большинства Гос. Думы. Одна надежда на васъ, отцы родные, октябристы и союзники, поддержите да не выдайте: не давайте евреямъ избирательнаго равноправія въ польскихъ городахъ. Помогите, братья-славяне Бобринскій и Пуришкевичъ, согнуть польскаго еврея тоже въ бараній рогъ...

Это уже не чувство, которое можно уважать: это уже борьба, борьба, не стѣсняющаяся скверныхъ средствъ, борьба съ помощью угрозъ, подвоховъ и подножекъ. И евреевъ эта борьба ставитъ предъ необходимостью перенести вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ на другую почву и показать, что они еще тоже не сгнили.

Г. Нуссбаумъ находитъ, что «Рѣчь» не смѣетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Мнѣніе это очень характерно для той психологіи, яркимъ образцомъ которой является

этотъ распространенный въ Польшѣ типъ вѣрнаго ∫ панскаго Мошки, готоваго ко всяческимъ услугамъ. Во весь ростъ обрисовалъ его когда-то Шевченко, четырьмя строчками:

Передъ паномъ Хведоромъ
Ходыть Мошко ходоромъ—
И задкомъ, и передкомъ
Передъ паномъ Хведоркомъ...

Повторяю, для психолога это выступленіе вѣрнаго Мошки кладъ. Но политически предъявленный имъ отводъ —нелѣпость. Теперь всюду признано, что судьба національныхъ меньшинствъ не можетъ быть всецѣло предоставлена произволу мѣстнаго большинства: права меньшинства должны гарантироваться и охраняться самимъ государствомъ, и если государство еще не доросло до этой высоты, то долгъ охраны меньшинствъ падаетъ на всероссійское общественное мнѣніе. Въ эпоху второй Думы, когда коло внесло законопроектъ объ автономіи края, гдѣ ничего не говорилось о всеобщемъ избирательномъ правѣ, прогрессисты въ Варшавѣ, помню, печатно настаивали, чтобы Дума сама вставила принципъ всеобщаго голосованія, ибо-де на польскій сеймъ нельзя положиться —тамъ будутъ верховодить народовцы, а они способны на всякіе сюрпризы въ этомъ отношеніи. Т. е., иными словами, тогда прогрессисты звали москаля на помощь противъ народовцевъ. Теперь народовцы зовутъ москаля на помощь противъ евреевъ. Словомъ, польскія партіи сами далеко не такъ щепетильны по части «чужого вмѣшательства» и, когда имъ это выгодно, апеллируютъ въ Петербургъ —не только къ общественному мнѣнію, но и къ властямъ предержащимъ. Остается и евреямъ апеллировать—конечно, не къ властямъ, а къ другой силѣ, съ которой полякамъ слѣдуетъ очень и очень осторожно считаться: къ передовому общественному мнѣнію Россіи и Европы.

Я выше употребилъ слово «жестокій отпоръ». Здѣсь его надо повторить и подчеркнуть. Конечно, я далекъ—очень далекъ! —отъ переоцѣнки еврейскихъ силъ. Но зато въ Польшѣ, кажется, никогда не отучатся отъ опасной привычки переоцѣнивать польскія силы. Полвѣка тому назадъ австрійскій писатель Фингофъ далъ польскимъ политикамъ краткую ха-

рактеристику, которая, кажется, недалека отъ истины: «Это — величайшіе сангвиники Европы; имъ всегда кажется, что и Европа, и они сами вотъ-вотъ наканунѣ великихъ событій». Это, повидимому, у нѣкоторыхъ неизлѣчимо. Вотъ и теперь г. Дмовскій печатно заявилъ, что нечего обращать вниманіе на голоса русской передовой печати. Г-ну Дмовскому, очевидно, кажется, что онъ уже «наканунѣ», и что можно уже плюнуть въ колодезь. Это большая, ошибка, и какъ бы не пришлось горько за нее каяться. Русская Польша далеко еще не „наканунѣ“ своего свѣтлаго дня, и не будетъ ей свѣтлаго дня, пока не разсвѣтетъ одновременно и равномѣрно надъ всей Россіей, пока не останется побѣда за тѣми, въ чей колодезь совѣтуетъ плевать г. Дмовскій. Ой, не торопитесь, панове, не плюйте въ колодцы, ни въ россійскіе, ни въ европейскіе! Еще тысячу разъ вы испытаете на собственныхъ горемычныхъ плечахъ, что единственная ваша поддержка и опора — въ общественномъ мнѣніи, что только оно, въ концѣ концовъ, способно принести вамъ лучшіе дни, и что лучше вамъ перенести еще три разгрома, чѣмъ потерять эту позицію — этотъ ореолъ благороднаго мученичества въ глазахъ передового міра. Ибо, если ее потеряете — потеряете высшее и важнѣйшее: надежду!

На эту почву отнынѣ переносится вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. Ужъ не взаправду-ли повѣрили польскіе лидеры, что ихъ дѣло въ шляхѣ, что Польшѣ отнынѣ безразличенъ голосъ общественнаго мнѣнія? Или не стоитъ на очереди въ Познани экспропріація польскихъ земель, въ Россіи выдѣленіе Холмщины? Или въ самомъ дѣлѣ въ Варшавѣ хотятъ добиться, чтобы какъ разъ въ этотъ моментъ польское имя стало притчей во языцѣхъ, синонимомъ насильничества, нетерпимости и гнета, и чтобы тысячеголосое эхо, въ отвѣтъ на стоны изъ Познани и Холма, грянуло: Подлецы?

Выше я оговорился, что апелляція со стороны евреевъ мыслима только по адресу общественнаго мнѣнія, а не по адресу властей передержащихъ. Это при теперешней конъюнктурѣ, ясно само собою. Но, если не измѣнится нынѣшній курсъ польскаго общества, кто знаетъ, чѣмъ еще это все мо-

жетъ кончиться. Конечно, смѣшно было бы давать польскому еврейству изъ Одессы какіе-нибудь совѣты и еще смѣшнѣе брать на себя, сидя въ Одессѣ, неприсвоенную роль истолкователя его намѣреній. Но, наблюдая со стороны, нельзя не видѣть, что польскіе шовинисты ведутъ опасную игру, создавая себѣ въ краѣ такого вліятельнаго врага, ставя половину городского населенія Польши, населенія исконнаго, умнаго, энергичнаго, предпріимчиваго, экономически вліятельнаго — въ безвыходное положеніе, когда неоткуда ждать помощи, кромѣ какъ извнѣ. Русскій націонализмъ не всегда будетъ олицетворяться черною сотней, съ ея грубыми топорными пріемами порабощенія. Еще можетъ народиться новое поколѣніе русскихъ политиковъ, болѣе тонкое и хитрое, вооруженное не кулакомъ, а смекалкой и разсчетомъ, и люди этого поколѣнія могутъ еще обратить серьезное вниманіе на то, что въ Польшѣ есть полтора милліона обиженныхъ и раздраженныхъ людей, на которыхъ, при умѣломъ использованіи, можно опереться въ интересахъ государственной централизаціи. Такъ давно дѣйствуютъ мадьяры съ евреями Трансильваніи — да и въ Польшѣ многіе, хотя больше молчаливо, уже предвидятъ возможность такой комбинаціи. Подумываютъ о ней, какъ видно изъ послѣднихъ фактовъ, уже и нынѣшніе думскіе руссификаторы. Я лично хочу надѣяться, что польское еврейство, если даже предстанется искушеніе, на такую комбинацію не пойдетъ. Но слаба человѣческая натура предъ искушеніемъ и разумнѣе, гораздо разумнѣе поступаетъ тотъ, кто не провоцируетъ отпора и не создастъ себѣ враговъ подъ бокомъ и въ собственномъ домѣ.

Хорошее дѣло миръ между народами, и слѣдовало бы публицистамъ проповѣдывать миръ, а не борьбу. Но это хорошо до тѣхъ поръ, пока нѣтъ на сценѣ явнаго желанія сѣсть ближнему верхомъ на шею. Мода возить сосѣда на своей шеѣ, глотать затрещины, ходить ходоромъ передъ папомъ Хведоромъ — тоже прошла. Сѣющіе вѣтеръ пожнутъ бурю.

„Мы въ Варшавѣ согласны стать поляками моисеева закона, но при одномъ условіи: когда поляки въ Петербургѣ и Одессѣ станутъ русскими „католической вѣры".

Слова одного „литвака".

II.

На первую статью „Поляки и евреи" откликнулась — и въ очень страстномъ тонѣ—почти вся польская пресса Варшавы. Позволю себѣ указать на то, что это—случай, насколько помню, безъ прецедента. Со статьями провинціальныхъ газетъ обыкновенно считаются только въ опредѣленномъ географическомъ округѣ. И вдругъ—такое лестное вниманіе въ Варшавѣ. Это лестное вниманіе очень характерно. Самое же характерное то, что первымъ органомъ, оказавшимъ намъ это вниманіе, была „Gazeta Warszawska", органъ г. Дмовскаго. Только наканунѣ, заканчивая полемику съ г. Петрункевичемъ, г. Дмовскій гордо заявлялъ, что польскіе политики ни въ какомъ сочувствіи прогрессивнаго міра не нуждаются и мнѣніями постороннихъ лицъ интересоваться не должны. Это писалось наканунѣ—а на слѣдующій день все-таки пришлось сочинять новую передовицу въ отвѣтъ на статью, появившуюся гдѣ-то въ Одессѣ. Страшная непослѣдовательность. Очевидно, и самъ г. Дмовскій въ глубинѣ души еще не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Польшѣ, дѣйствительно, нечего считаться съ мнѣніемъ остального міра. Наоборотъ, въ Польшѣ еще повидимому чувствуютъ, что каждое слово за рубежомъ, гдѣ бы оно ни прозвучало, имѣетъ свое значеніе для польскаго дѣла, ибо оно укрѣпляетъ или подрываетъ тотъ единственный базисъ, на которомъ держатся польскія надежды: симпатію передового міра. Безпримѣрное вниманіе, оказанное статьѣ, было только демонстраціей этой великой для Польши политической истины. И всѣмъ сторонникамъ и поборникамъ равноправія эта демонстрація, устроенная руками самихъ поляковъ, будетъ указаніемъ, что избранный путь апелляціи къ общественному мнѣ-

нію есть вѣрный путь, и надо неуклонно пройти его до конца. Споръ долженъ быть вынесенъ на міровой форумъ, и борьба, разъ начатая, не можетъ прекратиться, пока идея равноправія обѣихъ народностей, равноправія полнаго и абсолютнаго, гражданскаго, политическаго и національнаго, не станетъ руководящимъ принципомъ всей польской политики.

Послѣ этого замѣчанія перейдемъ къ существу спора. Отвѣчать на отдѣльные выпады отдѣльныхъ газетъ нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что почти всѣ эти выпады отличаются грубостью самаго дурного, тона. Разсмотрю поэтому только общее, главное, что было высказано варшавскими газетами. Такъ будетъ и для читателя интереснѣе, и для дѣла полезнѣе.

Во всѣхъ польскихъ откликахъ на польско-еврейскій споръ звучитъ одинъ лейтмотивъ: «литваки» русифицируютъ Польшу. Если понимать этотъ лейтмотивъ какъ «обвиненіе», т. е. вмѣненіе чего-то въ вину, то онъ глубоко несправедливъ.

Никакой вины со стороны «литваковъ» нѣтъ и въ поминѣ. Нѣкоторая часть новоселовъ-евреевъ, дѣйствительно, говоритъ по русски. Такъ они привыкли на старыхъ мѣстахъ, другого языка не знаютъ и потому, переселяясь въ Польшу, вынуждены или принести обѣтъ молчанія, или пользоваться въ обиходѣ русскимъ языкомъ. Ибо русскій языкъ (рады-ли они этому или не рады, другой вопросъ) сталъ для нихъ уже роднымъ. Слѣдовательно, если они продолжаютъ говорить на немъ и въ Варшавѣ, это такъ же естественно и законно, какъ то, что поляки, поселяясь въ Петербургѣ или въ Одессѣ, продолжаютъ говорить по-польски не только у себя дома, но и на улицѣ, и въ театрѣ. Вотъ и все. И даже больше: сотнями фактовъ, по первому востребованію, берусь доказать, что обрусѣвшая часть «литваковъ», поселяясь въ Польшѣ, сейчасъ же начинаетъ *лѣзть изъ кожи вонъ, чтобы выучиться по-польски. Даже взрослые, а о дѣтяхъ и говорить нечего.* Конечно, «литваки» *пріѣзжаютъ изъ областей, гдѣ вопросъ о языкахъ еще далеко не такъ обостренъ, и они первое время* просто не даютъ себѣ отчета, что въ Польшѣ требуется въ этомъ отношеніи особенная щепетильность. Но всѣ разговоры о нарочитомъ пре-

небреженіи къ польскому языку и сознательномъ бравированіи русскимъ—все это, въ лучшемъ случаѣ, галлюцинація болѣзненнаго чувства.

Но есть, конечно, и другая сторона вопроса. Пусть «литваки» не виноваты въ смыслѣ злого умысла, пусть они дѣйствуютъ неларочно—все же вѣдь остается объективный фактъ, заключающійся въ томъ, что именно евреи импортируютъ въ Польшу языкъ, котораго она теперь имѣетъ всѣ основанія бояться. Долженъ напомнить читателю, что я лично далеко не склоненъ преумалять уродливость и ненормальность этого факта. Напротивъ. На этихъ же столбцахъ, въ статьѣ «Фальсификація школы» («Од. Нов.», 10 ноября), всего за нѣсколько дней до новаго разгара польско-еврейскаго конфликта, я писалъ:

«Уже и теперь евреи во многихъ городахъ черты осѣдлости, гдѣ великорусскаго населенія нѣтъ, являются единственными, такъ сказать, представителями русской культуры, т. е., говоря точнѣе, единолично руссифицируютъ край. Вильна, напримѣръ, руссифицирована только еврейской интеллигенціей; и что-то незамѣтно, чтобы за эту услугу евреевъ очень любили тамошніе великороссы. - а зато поляки и литовцы открыто ставятъ евреямъ этотъ подвигъ въ большую вину. То же самое въ Малороссіи. Украинская печать вообще и прогрессивна, и демократична, но когда рѣчь заходитъ о руссификаторской роли еврейской интеллигенціи, эта печать выходитъ изъ себя и положительно сбивается на антисемитскія ноты. И хуже всего то, что не знаешь, какими словами протестовать».

И это—не единственныя строки, которыя могъ бы я процитировать для выясненія вопроса, какъ относятся люди моего лагеря къ явленію, вызывающему столь энергичныя нареканія съ польской стороны. Много и горячо писали мы объ этомъ. И не разъ эти наши взгляды цитировала съ одобреніемъ украинская и литовская пресса, видя въ нихъ основу для будущихъ добрососѣдскихъ отношеній, построенныхъ на обоюдной корректности, на взаимномъ уваженіи.

Но—корректность должна быть взаимной, уваженіе обоюднымъ. Кто не корректенъ со мною, тотъ не можетъ требовать корректности отъ меня. Кто не уважаетъ моихъ идеаловъ,

моихъ завѣтныхъ стремленій, моихъ грезъ о будущемъ возрожденіи, тотъ не въ правѣ требовать, чтобы я уважалъ его идеалы, стремленія и грезы. Кто за моимъ народомъ отрицаетъ право на санъ народа, лишается права ждать и отъ меня бережливаго отношенія къ его національнымъ прерогативамъ. Тотъ, кто требуетъ отъ меня денаціонализаціи, не вправѣ протестовать, если я тоже буду содѣйствовать его денаціонализаціи.

Нельзя, конечно, отрицать, что нѣкоторый слой евреевъ, обрусѣвшій въ Россіи, потомъ, переселяясь въ Польшу, импортируетъ туда русскій языкъ. Но меньше всего имѣютъ право жаловаться на это тѣ, въ чьихъ глазахъ еврейство —не народъ an und für sich, а просто нѣкая прирава къ мѣстному большинству, обреченная во всемъ и повсюду ассимиляціи. Кто самъ проповѣдуетъ, что еврей въ Польшѣ долженъ быть полякомъ моисеева закона, а въ Россіи русскимъ моисеева закона, тотъ не въ правѣ сѣтовать, если потомъ среди «литваковъ», поселяющихся въ Польшѣ, дѣйствительно оказываются «русскіе моисеева закона». Еврей въ качествѣ разносчика русской культуры по нерусскимъ окраинамъ—фигура очень печальная въ своемъ трагикомизмѣ, мы это знаемъ и глубоко объ этомъ скорбимъ; но кто-кто, а ужъ польскія партіи не имѣютъ ни малѣйшаго нравственнаго права бросать въ эту фигуру камнемъ, ибо она —только продуктъ ими же провозглашаемой системы.

Зато справедливо другое «обвиненіе», выдвигаемое польской печатью противъ «литваковъ»: что они насаждаютъ еврейскій націонализмъ, жаргонъ и т. п. (хороши русификаторы!) Нельзя, да и нечего отрицать, что наѣзжимъ евреямъ въ Польшѣ принадлежатъ, дѣйствительно, большія заслуги въ дѣлѣ развитія національнаго сознанія мѣстнаго еврейства. Но когда нѣкоторые польскіе политики и публицисты увѣряютъ, будто вообще всѣ еврейскіе націоналисты «литваки», а «коренные» евреи считаютъ себя поляками, то трудно даже понять, зачѣмъ люди себя тѣшатъ такими баснями. При переписи 1897 года, когда на наплывъ «литваковъ» еще никто въ Царствѣ Польскомъ не жаловался, а жаргонныхъ газетъ не имѣлось и въ поминѣ, польское еврейство дало столь же ничтожный процентъ ассимили-

рованныхъ, какъ и еврейство остальной Россіи. Изъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія признали своимъ роднымъ языкомъ еврейскій и во всей Россіи, и въ Польшѣ около 97 проц. Нигдѣ въ Европѣ такъ не распространена еврейская пресса, еврейская народная книжка, даже еврейская вывѣска, какъ именно въ Польшѣ, среди тамошняго коренного еврейства. Младшее поколѣніе хасидовъ (основного ядра въ еврейскомъ населеніи Польши) почти поголовно захвачено національнымъ движеніемъ. Перецъ, Ашъ, И. Соколовъ—коренные польскіе евреи; молодые лидеры польскаго сіонизма, группировавшіеся въ 1906 году вокругъ журнала «Glos Zydowski», Грин-баумъ, д-ръ Давидсонъ, Кришроть, Гартглясъ и др.—коренные польскіе евреи; даже г. Винаверъ, котораго поляки тоже считаютъ еврейскимъ націоналистомъ,—коренной польскій еврей. Нигдѣ, съ другой стороны, ассимиляторы такъ не отрѣзаны отъ массы, какъ въ Польшѣ. Недавно «Kurjer Poranny» въ нашумѣвшей статьѣ назвалъ ихъ «послѣдними могиканами», утверждая (совершенно справедливо), что они не имѣютъ никакого вліянія на еврейскія массы и держатся «на высотѣ» исключительно благодаря высокому избирательному цензу варшавской еврейской гмины (избирательнымъ правомъ пользуются только тѣ, кто въ состояніи платить 15 руб. налогу, и на сохраненіи этого непомѣрнаго ценза настаиваетъ не правительство, а сами ассимиляторы). Затѣмъ банкротство ассимиляціи въ Польшѣ подтвердила и „Gazeta Warszawska“, и „Slowo“, да и врядъ-ли кто еще рѣшится отрицать этотъ фактъ.

А Галиція, гдѣ «литваковъ» никогда не бывало? Говорить о прочности тамошней ассимиляціи послѣ выборовъ 1907 г., которые дали десятки тысячъ голосовъ сіонистамъ и націоналистамъ, можно только въ шутку. А спеціально о тамошней интеллигенціи, якобы совершенно ассимилировавшейся, да будетъ позволено привести справку изъ хорошаго, отнюдь не сіонистскаго и не жаргоннаго источника: изъ газеты «Kurjer Warszawski», отъ 7 декабря 1910 г. по новому стилю. Рѣчь идетъ объ оффиціальной статистикѣ лембергскаго политехникума. Въ 1904 году на 166 студентовъ-евреевъ цѣлыхъ 161 признали себя поляками, т. е. 97 проц. Въ 1906 — только 44

процента. Въ 1909—всего 35 проц. (72 изъ 205). Остальные, по словамъ газеты, «въ огромномъ большинствѣ признаютъ своей національностью еврейскую».

* * *

По вопросу о томъ, есть-ли въ Польшѣ антисемитизмъ, приходится отмѣтить одно очень оригинальное мнѣніе. Провозглашаетъ его «Nowa Gazeta», органъ постемповыхъ демократовъ, издаваемый поляком моисеева закона г. Кемпнеромъ. По увѣреніямъ этой газеты, наблюдавшіяся въ послѣднее время вспышки антисемитизма въ Польшѣ «не имѣютъ глубокаго значенія, и общественное мнѣніе уже повернулось къ нимъ спиною». «Даже програмный антисемитизмъ, проявляющійся въ нѣкоторыхъ частяхъ (!) народовой демократіи, не встрѣтилъ одобренія въ широкихъ кругахъ общества, и—что особенно характерно и болѣе всего заслуживаетъ вниманія—даже коло польское дало рѣзкій отпоръ этимъ тенденціямъ» («N. G.», 557).

Было бы очень пріятно присоединиться къ оптимизму почтенной газеты, но послѣднимъ замѣчаніемъ она сама разрушаетъ всю свою апологетическую работу. Коло дало отпоръ антисемитическимъ тенденціямъ? Нужна большая отвага, чтобы написать такія слова 22 ноября 1910 г., п о с л ѣ того, какъ только благодаря «воздержавшимся» г-дамъ Грабскому и Монтвиллу въ думской коммиссіи прошли ограниченія для евреевъ 11-ю голосами противъ 10. И этому воздержанію предшествовала рѣчь г. Грабскаго, гдѣ доказывалось, что евреи некультурны, что ихъ вліяніе на городское самоуправленіе можетъ принести только вредъ. Это все, въ глазахъ прогрессивной варшавской газеты, есть «отпоръ антисемитскимъ тенденціямъ»? Поневолѣ приходится заподозрить, что почтенная газета склонна въ еврейскомъ вопросѣ довольствоваться слишкомъ малымъ.

И если такого тона въ этомъ вопросѣ держится д а ж е «Nowa Gazeta», намъ, со стороны слѣдящимъ, остается съ сожалѣніемъ констатпровать, что въ тамошней атмосферѣ, повидимому, идея равноправія вообще какъ-то странно преломляется и понимается...

Еще болѣе характерно для тамошней атмосферы отношеніе всѣхъ этихъ органовъ, отъ самыхъ шовинистическихъ до той-же «Nowa Gazety», къ высказанному въ моей статьѣ взгляду, что Польша есть край поляковъ и евреевъ. Эта простая истина, выражающая реальный, осязательный фактъ, произвела на моихъ почтенныхъ оппонентовъ впечатлѣніе какой-то нестерпимой, неслыханной дерзости. „Kurjer Warszawski" увидѣлъ въ этомъ „гакатизмъ", „наглое" покушеніе на Богъ вѣсть какія святыни; „Gazeta Warszawska", въ характерномъ для ея издателя лапидарномъ стилѣ, заявляетъ, что этакая ересь никогда не будетъ признана польскимъ народомъ; наконецъ, „Nowa Gazeta" скорбно констатируетъ, что „рискованная теорія двухъ національностей" не имѣетъ подъ собою никакой почвы, а зато (нельзя же безъ угрозы) можетъ повредить экономическимъ интересамъ евреевъ (т. е., говоря простымъ языкомъ, шовинисты разсердятся и еще громче начнутъ проповѣдывать экономическій бойкотъ евреевъ). И это все, замѣтьте, провозглашается подъ знаменемъ „демократіи", то „народовой", а то даже и „прогрессивной". Хороша демократія! Значитъ, заподозрить въ Польшѣ существованіе двухъ національностей — это «наглость»? Польша только для поляковъ? Но возьмите любого рядового русскаго демократа или прогрессиста и спросите его: подпишется ли онъ подъ лозунгомъ „Россія для русскихъ"? Родичевъ, Милюковъ, Карауловъ десятки разъ съ убѣжденіемъ и гордостью провозглашали съ думской трибуны, что Россія не есть страна русскихъ, что Россія принадлежитъ всѣмъ ее населяющимъ народностямъ.

Всюду, въ цѣломъ мірѣ для демократической мысли давно стало аксіомой, что если на одной территоріи смѣшанно живутъ двѣ или больше національностей, то край принадлежитъ имъ всѣмъ, а не одной сильнѣйшей. Въ русской, нѣмецкой, французской, англійской передовой печати эта аксіома стала трюизмомъ. Но въ глазахъ польской прессы это—неслыханное посягательство, за которое даже «прогрессивно» грозятъ усиленіемъ экономическаго бойкота. Что же это, въ концѣ концовъ, за исключительная привилегія среди всѣхъ странъ міра? Почему для Польши не должны быть писаны

законы, справедливые для всѣхъ другихъ климатовъ? И по какому праву вся эта контрабанда національной нетерпимости прячется подъ флагомъ «демократическихъ» кличекъ? Причемъ тутъ демократія, причемъ тутъ прогрессъ, если Польша не для всѣхъ, кто на ней живетъ, а только для поляковъ? Приходится, опять-таки, съ прискорбіемъ заключить, что въ тамошней напряженной атмосферѣ и «прогрессъ», и «демократія» тоже какъ-то страшно преломляются и имѣютъ какое-то совершенно другое значеніе ad usum delphini...

Въ послѣднее время, съ легкой руки г. Грабскаго, вошло въ моду еще одно—впрочемъ, тоже не новое—обвиненіе: евреи, молъ, некультурны, дать имъ въ руки самоуправленіе—значитъ погубить его. Доказывается это тѣмъ, что въ еврейскихъ кварталахъ грязно. Какъ будто отъ евреевъ зависѣло вымостить и освѣтить эти кварталы! Да и самъ по себѣ аргументъ хорошъ. Съ точки зрѣнія нѣмца—и полякъ далеко не безукоризненъ въ отношеніи чистоты. Въ Восточной Пруссіи есть поговорка: «schmutzig wie ein Pole». Что же, на этомъ основаніи можно проповѣдывать изгнаніе поляковъ изъ тамошняго самоуправленія?!

„Евреи некультурны"... Надо же условиться насчетъ того, что есть культура. Не смѣю отрицать, что потребленіе мыла есть нѣкоторый показатель культурности. Но не надо забывать и о томъ, что потребленіе спиртныхъ напитковъ тоже есть показатель культурности—только въ обратномъ смыслѣ. А у французовъ тоже есть поговорка: „soûl comme un Polonais". Отчего вы объ этомъ забываете? И отчего забываете о главномъ и основномъ показателѣ культурности—о грамотности, о распространенности печатнаго слова? Вотъ что пишутъ объ этомъ въ декабрьской книжкѣ журнала „Kultura Polska", органа „о-ва польской культуры", редактируемаго г. Свентоховскимъ: „У евреевъ нѣтъ неграмотныхъ: почти всѣ умѣютъ читать и писать. Этотъ фактъ огромнаго значенія казался до сихъ поръ столь маловажнымъ, что общественное мнѣніе долгое время не останавливалось надъ нимъ и не принимало въ разсчетъ при оцѣнкѣ явленій нашей общественности. Только въ самое послѣднее время обнаружился онъ и показалъ всю

свою силу. Жаргонная пресса быстро разрослась до такихъ размѣровъ, что главный органъ ея имѣетъ больше абонентовъ и читателей, чѣмъ всѣ польскія газеты, взятыя вмѣстѣ".

Все это, видите-ли, называется „некультурностью". Шоломъ-Алейхемъ, Перецъ, Ашъ, нѣсколько еврейскихъ драматическихъ трупъ, болѣе посѣщаемыхъ, чѣмъ польскія, сотни тысячъ газетныхъ листковъ, проникающихъ во всѣ щели самыхъ бѣдныхъ угловъ, —все это „некультурность". Бялікъ и Черниховскій, поэты, которымъ послѣ кончины Конопницкой никто изъ современныхъ польскихъ поэтовъ и до плеча не достанетъ, это „некультурность". И —last not least —почти поголовное обученіе, утонченная шлифовка отроческихъ умовъ надъ сложнѣйшими проблемами морали и общественности—это „некультурность"...

Конечно, я далекъ отъ мысли считать г. Грабскаго истиннымъ представителемъ польскаго народа. Вѣдь извѣстно, что даже всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, по мнѣнію многихъ, еще не обезпечиваетъ „истиннаго" представительства. Но, воля ваша, съ той теоріей, что польское общество ужъ такъ-таки ни на іоту не отвѣтственно за слова дѣйствія кола,—тоже не могу согласиться. Законъ 3-го іюня 1907 г. урѣзалъ только число депутатовъ Царства Польскаго, но не измѣнилъ тамъ избирательной системы: она осталась та же, какая дѣйствовала во всей Россіи при выборахъ въ первую и вторую Думу. Каковы были первая и вторая Дума, это мы еще всѣ помнимъ. И нельзя, нелѣпо, преступно закрывать глаза на то совпаденіе, что при одной и той же избирательной системѣ получилась такая разница между представительствомъ отъ остальной Россіи въ первой и второй Думѣ — и представительствомъ отъ Польши во всѣхъ трехъ Думахъ.

Словомъ, при всемъ желаніи не могу сойтись съ „Now. Gaz." въ оптимистической оцѣнкѣ польскихъ настроеній. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы я считалъ антисемитизмъ повальной и органической болѣзнью польскаго народа. Самымъ энергичнымъ образомъ протестую противъ приписыванія мнѣ

подобныхъ мнѣній. Я не только твердо помню, что выразителями польскаго духа надо считать не Дмовскаго и Грабскаго, а Мицкевича и Оржешко, но даже скажу больше: я думаю, что и Сенкевичъ, и Немоевскій, и Прусъ создали много прекрасныхъ цѣнностей, которыя останутся вѣчными, когда люди давно забудутъ, что авторы ихъ были когда-то антисемитами,—и эти-то цѣнности и представляютъ истинное проявленіе польскаго духа. Политическія аберраціи не имѣютъ ничего общаго съ „духомъ" народа, съ вѣчными началами его индивидуальной сущности. Но аберраціи все-таки случаются, и иногда, подъ вліяніемъ особаго стеченія причинъ, захватываютъ даже очень широкіе круги общества. И тогда надо громко и открыто констатировать болѣзнь и бороться съ нею, а не прятать голову, по примѣру страуса, и увѣрять другъ-друга, что все обстоитъ благополучно.

Самое циничное въ этомъ спорѣ то, что людей, призывающихъ угнетеннаго къ отпору, сейчасъ же „клеймятъ" ужаснымъ именемъ: націоналисты. Подумаешь, какой ужасъ! Если бы мы не были такъ наивны въ политическихъ вопросахъ, мы знали бы, что есть два націонализма — наступательный и оборонительный. Націонализмъ наступательный хочетъ навязать инородцу національное обличье господствующаго племени: націонализмъ оборонительный стремится только къ охранѣ своей самобытности, согласно правилу: живи ты по своему и дай мнѣ жить и говорить по своему. Первый реакціоненъ, противенъ демократіи и прогрессу; второй есть одинъ изъ основныхъ постулатовъ, демократіи, канонизированъ и провозглашенъ даже соціалистическими партіями всего міра (въ томъ числѣ и Польши) и представляетъ священнѣйшее, неотъемлемое право каждаго племени. Пусть судитъ читатель, съ чьей стороны тутъ первый видъ націонализма и съ чьей — второй, кто посягаетъ на чужую душу и кто обороняется, гдѣ насиліе и гдѣ право...

Вопросъ о евреяхъ въ Польшѣ не есть вопросъ краевой. Это вопросъ всероссійскій, задѣвающій весь еврейскій народъ на всемъ пространствѣ Имперіи. На это пусть обратятъ вниманіе тѣ господа въ Варшавѣ, что съ легкой руки д-ра Нусбаума кричатъ о «непрошенныхъ опекунахъ». Я не

имѣю претензіи ни давать какіе бы то ни было совѣты польскому еврейству ни выражать или отражать его мнѣнія. Напоминаю и подчеркиваю это, и буду считать долгомъ добросовѣстности и порядочности для каждой польской газеты, которая, быть можетъ, почтитъ и настоящую статью своимъ вниманіемъ, отмѣтить эту оговорку. Что сдѣлаютъ евреи въ Польшѣ, это ихъ дѣло; внутренно я увѣренъ, что ихъ отвѣтъ будетъ заключаться прежде всего въ удвоеніи тиража еврейской прессы, въ удесятереніи количества еврейскихъ школъ, организацій и кассъ — и въ неутомимомъ, систематическомъ и поголовномъ изгнаніи ассимиляторовъ какъ изъ правленія гмины, такъ и изъ представительства новосоздаваемой еврейской куріи. Но евреи за предѣлами Польши, не только въ Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, а и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ располагаютъ еще другими орудіями отпора и, несомнѣнно, самымъ энергичнымъ образомъ пустятъ ихъ въ ходъ. Ибо въ Гос. Думѣ создаются не только закопы для Польши, но и прецеденты для всей Россіи. Въ данномъ случаѣ прецедентъ будетъ не въ томъ, конечно, что вводятся ограниченія для евреевъ, а въ томъ, что они вводятся тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ не было, и вводятся при явномъ содѣйствіи «демократическихъ» депутатовъ кола. Въ особенности это рукоприкладство представителей одной угнетенной націи тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ угнетеніи другой, усугубляетъ изъ ряду вонъ выходящій, безнравственный, деморализующій характеръ этого насилія и ставитъ евреевъ всей Россіи въ необходимость бороться противъ него съ большей энергіей, чѣмъ когда бы то ни было.

Во всякомъ случаѣ, за одно можно поручиться: упрятать этотъ споръ за кулисы, покончить дѣло непотомъ между г. Грабскимъ и г. Нуссбаумомъ — этотъ расчетъ не удастся. На широкомъ міровомъ форумѣ рѣшится безпристрастными судьями вопросъ о томъ, можно ли вопіять о справедливости для себя и отказывать въ ней другимъ. Объ этомъ мы позаботимся. Одно вѣрное слово нашелъ я и у г. Дмовскаго: міръ презираетъ народы, добровольно соглашающіеся на самоубійство.

Вл. Жаботинскій.

Письма изъ Польши.

Еще объ антисемитизмѣ.

Ник. Дубровскаго.

Мнѣ уже приходилось писать объ антисемитизмѣ поляковъ. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь еще разъ писать о немъ: вопросъ въ настоящее время самый животрепещущій въ Польшѣ, польско-еврейская распря не только продолжается, но и растетъ, жизнь съ каждымъ днемъ обостряетъ ее все болѣе и болѣе, -наконецъ, полезно вдуматься во взаимныя обвиненія поляковъ и евреевъ, взвѣсить ихъ, подойти къ нимъ съ точки зрѣнія русскаго человѣка, одинаково сочувствующаго страданіямъ и тѣхъ и другихъ и одинаково желающаго и тѣмъ и другимъ свободы, простора, развитія, торжества надъ насильниками и мучителями ихъ, надъ врагами ихъ національныхъ чаяній и идеаловъ.

Существуетъ-ли въ Польшѣ антисемитизмъ? Поляки утверждаютъ, что его нѣтъ въ Польшѣ. Они говорятъ, что даже Дмовскій не антисемитъ. Но что же такое антисемитизмъ? Быть противъ евреевъ, говорить о невозможности слія-нія «польскости» и «семитизма», требовать ограниченія правъ евреевъ, смѣяться надъ ними, оскорблять ихъ, — что же это такое: антисемитизмъ или нѣчто иное? Поляки отвѣчаютъ: «нѣчто другое» Не всѣ поляки, а именно тѣ, которые противъ евреевъ, которые орудуютъ такими понятіями, какъ «жидъ», отрицаютъ за евреями право на... полноправіе и т. д. Но въ такомъ случаѣ, въ чемъ же это «иное» заключается, что же вся эта теорія «асемитизма» значитъ, гдѣ-же та раздѣльная линія, которая проходитъ между нею и, напримѣръ, теоріями, которыя исповѣдуются «Нов. Вр.» и вообще антисемитами всего міра? На это большинство польскихъ публицистовъ от-

вѣчасть: «мы не вообще противъ евреевъ, а противъ только тѣхъ евреевъ, которые хотятъ быть... евреями, мы ничего не имѣемъ противъ тѣхъ евреевъ, которые считаютъ себя поляками». Но тутъ является цѣлый рядъ другихъ вопросовъ. Когда еврея можно признать полякомъ? Если еврей говоритъ и думаетъ по польски, достаточно это или нѣтъ? Дмовскій говоритъ, что это недостаточно. Говоритъ это и Немоевскій. Говорятъ это, стало быть, и польскій «народовецъ», и польскій «радикалъ». Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, напримѣръ, газета «Nowa Gazeta». Издается она на польскомъ языкѣ, защищаетъ интересы поляковъ, называетъ себя польскимъ органомъ, посвящаетъ очень много мѣста и вниманія польской литературѣ, жизни, культурѣ. — польское это изданіе или еврейское? И Дмовскій, и Немоевскій, и громадное большинство поляковъ отвѣтятъ: еврейское. Почему? А потому, что издаютъ его люди еврейскаго происхожденія. Съ объективной точки зрѣнія «Nowa Gazeta», конечно, польскій органъ, но съ точки зрѣнія Дмовскаго, Немоевскаго и т. д. она -еврейская газета. И нельзя сказать, чтобы они не были противъ такой еврейской «марки» (такъ выражаются въ Польшѣ), хотя бы носители ея и называли себя поляками. Противъ какихъ же евреевъ, называющихъ себя поляками, ничего не имѣютъ Дмовскій, Немоевскій и т. д.? Только противъ тѣхъ евреевъ, которые безусловно подчиняются ихъ волѣ, безраздѣльно исповѣдуютъ ихъ идеалы, рабски и послушно повторяютъ ихъ каноны. Но развѣ есть въ мірѣ хоть одинъ антисемитъ, который въ этомъ смыслѣ не былъ-бы врагомъ... антисемитизма? Вѣдь даже «Россія» рѣшительно ничего не имѣетъ противъ еврея Гурлянда, разъ онъ - «русскій», разъ онъ безусловно и послушно слѣдуетъ за ея хвостомъ. Вѣдь даже «Нов. Вр.», враждебное къ польской націи, ничего, однако, не имѣетъ, напримѣръ, противъ полька, разъ этимъ полякомъ является... Валишевскій *) или редакторъ «Земщины» Глинка-Янчевскій, безусловно и рабски воспроизводящіе въ своей душѣ весь міръ мыслей и чувствъ своихъ повелителей и вдох-

*) Сотрудникъ „Нов. Вр."

новителей. Терпимость вообще заключается не въ томъ, что я готовъ примириться съ человѣкомъ иной національности или иной расы, если онъ сольется съ моею національностью и отречется отъ своей, а въ томъ, что я мирюсь съ самымъ фактомъ существованія иной національности. и притомъ съ фактомъ существованія ея не гдѣ-то тамъ «за долами, за горами», а рядомъ со мною, на одной съ моею національностью территоріи или даже въ нѣдрахъ ея. Подобно тому, какъ это должно быть въ области вѣроисповѣдной! Что бы вы сказали обо мнѣ, еслибы я заявилъ: я признаю вѣротерпимость, я за свободу совѣсти, и я ничего не имѣю противъ католика, если онъ... приметъ православіе? Вы бы, конечно, имѣли право подумать, что я или смѣюсь надъ вами, или не отдаю себѣ отчета въ томъ, что такое вѣротерпимость. или настолько нетерпимъ, что и самъ не знаю своей нетерпимости, или. наконецъ, стыжусь ея и, не имѣя мужества признаться въ ней, стараюсь обмануть самого себя столь странной и своеобразной теоріей терпимости. Вотъ почему я. право, не могу понять, что хотятъ сказать поляки, когда они утверждаютъ, что въ Польшѣ нѣтъ антисемитизма. хотя противъ евреевъ рѣшительно всѣ господствующія группы польскаго общества, за исключеніемъ соціалистовъ (да и то не всѣхъ) и за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кружковъ интеллигенціи и молодежи, и хотя нѣтъ ни одного польскаго органа печати, который бы не помѣстилъ противъ евреевъ весьма опредѣленной статьи, за исключеніемъ лишь закрытыхъ недавно двухъ соціалистическихъ еженедѣльниковъ и затѣмъ той самой «Nowej Gazet'ы» которую поляки въ большинствѣ случаевъ считаютъ еврейской и. какъ таковую, въ сущности, бойкотируютъ. Да. что бы тамъ ни говорили и къ какимъ бы теоріямъ ни прибѣгали нѣкоторые польскіе публицисты. а антисемитизмъ въ Польшѣ процвѣтаетъ. Это фактъ, который бросается въ глаза всякому стороннему наблюдателю. Фактъ, который лично мнѣ причиняетъ невыразимую боль. Я такъ привыкъ къ мысли, что Польша —страна самой широкой терпимости. я, человѣкъ. лучшіе годы своей жизни проведшій среди поляковъ и съ поляками, со многими изъ нихъ пере-

живній минуты глубокихъ потрясеній и глубокихъ радостей. Я такъ вѣрилъ, что нація, которая сама пережила и переживаетъ гоненія, оскорбленія, муки, не можетъ ненавидѣть и преслѣдовать гонимыхъ, оскорбляемыхъ, мучимыхъ—и однакоже долженъ признать, что антисемитическій вихрь, гуляющій теперь по польскимъ полямъ и рощамъ.—фактъ, какъ это ни грустно и какъ это ни больно! Нельзя, конечно, не видѣть, что нѣтъ другой страны, находящейся въ болѣе ненормальныхъ условіяхъ развитія, столь благопріятныхъ для фанатизма, нетерпимости и слѣпой ненависти, чѣмъ Польша. Нельзя, конечно, не признать, что при всемъ своемъ антисемитизмѣ польское общество никогда не дойдетъ до проповѣди погромовъ, до юдофобской фразеологіи, грозящей пролитіемъ еврейской крови, фразеологіи, которой щеголяютъ русскіе «патріоты»; но, при всемъ томъ, фактъ остается все таки фактомъ: польское общество въ громадномъ большинствѣ въ настоящее время настроено антисемитически, оно въ громадномъ большинствѣ проникнуто эгоистическимъ національнымъ и въ сущности стоитъ на пути, который, если и не ведетъ къ погромамъ, то, во всякомъ случаѣ, въ настоящій моментъ является путемъ, на который не станетъ ни одна мало-мальски прогрессивно-демократическая общественная группа въ мірѣ, но на которомъ давно уже находятся русскіе Меньшиковы, потому и привѣтствующіе «поворотъ Польши» съ такимъ восторгомъ, потому и ищущіе о «благоразуміи» польскаго общества по истинѣ позорящіе дифирамбы.

Какъ поляки оправдываютъ свой антисемитизмъ? Въ чемъ они обвиняютъ евреевъ? Для насъ, сторонникъ наблюдателей, ясно, конечно, что обвиненія и въ этомъ случаѣ, какъ всегда и вездѣ, являются post factum. Ненависть къ евреямъ выросла въ Польшѣ, конечно, не на почвѣ какихъ-то будто бы нарушеній со стороны евреевъ своихъ «обязанностей», этическихъ и общественно-политическихъ требованій «добраго сожительства», а просто на почвѣ соціально-экономическихъ антагонизмовъ. Обвиненія, которыя раздаются теперь противъ евреевъ, появились лишь какъ продуктъ работы мысли, которая всегда стремится впечатлѣнія и чувства, возникающія

въ насъ стихійно, свести къ логическимъ и этическимъ категоріямъ, сообщить имъ характеръ абсолютной правды и справедливости. Для насъ все это ясно. Тѣмъ не менѣе очень важно разобраться въ обвиненіяхъ поляковъ. Въ нихъ, вѣдь, такъ или иначе сказывается психологія польскаго общества. Они, вѣдь, такъ или иначе являются тѣми формулами, орудіями борьбы, которыми вооружились поляки, проповѣдуя походъ противъ еврейства. Какова же цѣнность этихъ орудій?

Евреи, говорятъ поляки, всегда пользовались гостепріимствомъ Польши. Въ Польшѣ нѣтъ погромовъ. Въ Польшѣ евреи чувствуютъ себя свободнѣе и лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Россіи. И что же они даютъ полякамъ въ благодарность за это? Въ большинствѣ случаевъ говорятъ по-русски, не признаютъ польской культуры, лишь начинаютъ обособляться въ самостоятельную національную группу, говорящую на жаргонѣ, который нельзя признать языкомъ, издающую свои органы печати, заводящую свои просвѣтительныя заведенія, создающую свой театръ и т. д. Когда приходится выбирать между русскимъ и польскимъ обществомъ, то евреи отдаютъ предпочтеніе русскому обществу, которое ихъ преслѣдуетъ болѣе жестоко, чѣмъ кто бы то ни было въ мірѣ, устраиваетъ погромы, изгоняетъ изъ своихъ предѣловъ, окружаетъ чертой осѣдлости. Когда польское общество въ лицѣ своего молодого поколѣнія бойкотируетъ русскія учебныя заведенія, евреи безъ всякаго стѣсненія немедленно заполняютъ гимназіи съ правами, основанныя русскими черносотенцами и спеціально для борьбы съ польскимъ элементомъ получившія право принимать учащихся безъ процентнаго ограниченія, немедленно устремляются въ университетъ, на высшіе женскіе курсы, куда ихъ начинаютъ принимать очень охотно тѣ самые русскіе, которые вчера еще открыто оправдывали еврейскіе погромы, а генералъ Драгомировъ сталъ... водопоями и т. д. и т. д. Въ то время, когда польскіе органы печати пользуются небольшимъ распространеніемъ, тиражъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не достигаетъ часто и самой скромной цифры, польскіе театры пустуютъ,— въ то время жаргонная еврейская печать растетъ, нѣкоторые органы ея издаются въ десяткахъ тысячъ

экземпляровъ, въ еврейскихъ кварталахъ польская газета не находитъ читателей, еврейскіе театры дѣлаютъ громадные сборы, еврейскія просвѣтительныя учрежденія процвѣтаютъ. Мало того, будучи еврейскими націоналистами, говоря о необходимости національнаго возрожденія, жаргонные публицисты и еврейскіе дѣятели охотнѣе сходятся съ русскими черносотенцами въ Царствѣ П., чѣмъ съ польскими дѣятелями, хотя послѣдніе во всякомъ случаѣ лучше понимаютъ законность національныхъ стремленій, чѣмъ представители русскаго казеннаго патріотизма. Наконецъ, евреевъ такая масса въ Царствѣ П., что они прямо-таки опасный элементъ: они — постороннее тѣло въ національномъ организмѣ Польши, игнорирующее интересы ея, враждебное имъ, готовое поддержать русское правительство въ его стремленіяхъ къ денаціонализаціи польскаго народа, если только это можетъ создать условія процвѣтанія еврейства. Вотъ въ общихъ чертахъ всѣ тѣ обвиненія, которыя приходится слышать изъ устъ поляковъ по адресу евреевъ. Польскіе антисемиты убѣждены, что эти обвиненія настолько неопровержимы, настолько объективны, что объ антисемитизмѣ ихъ, о безотчетномъ чувствѣ враждебнаго отношенія къ еврейству, какъ такому, не можетъ быть и рѣчи. Но ясно, что они жестоко заблуждаются. Именно эти обвиненія и показываютъ, до какой степени антисемитизмъ ослѣпилъ даже наиболѣе всегда зоркихъ и дальновидныхъ людей въ Польшѣ. Именно необоснованность, странность этихъ обвиненій и дала возможность евреямъ отвѣчать на нихъ такъ, что ихъ рѣчи для сторонняхъ людей оказываются болѣе убѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ, послушайте что говорятъ евреи въ отвѣтъ на филиппики поляковъ.

Положимъ, что мы, дѣйствительно, «постороннее тѣло» въ Польшѣ, говорятъ они, положимъ, что насъ здѣсь, въ Польшѣ, слишкомъ много, что это «ненормально», «ужасно», «преступно». Но развѣ въ этомъ виноваты мы? Черта осѣдлости создана не нами. Она — несчастье прежде всего для насъ. Противъ нея мы всѣми силами своего негодованія и порыва къ свободѣ и счастью. Зачѣмъ же за эту черту осѣдлости нападать на насъ именно, за вину другихъ казнить

насъ, оскорблять, оплевывать? Вѣдь вотъ же поляки оправдываютъ свою ненависть «чертой осѣдлости», говорятъ же они, что, если бы ея не было, они не были бы антисемитами, — почему же они той же «чертой осѣдлости» не хотятъ объяснить и положенія евреевъ? Почему же именно евреямъ то за эту черту осѣдлости и достается отъ нихъ? Далѣе, они требуютъ благодарности за «гостепріимство». Но, во-первыхъ, о какомъ гостепріимствѣ говорятъ они, развѣ могли бы они «не принять» насъ, развѣ не русское правительство заставило ихъ быть «гостепріимными», т. е. помириться съ нашимъ существованіемъ въ предѣлахъ Царства П., а, во-вторыхъ, въ чемъ благодарность должна состоять? Въ томъ, что мы должны обязательно говорить по польски? Но мы говоримъ по польски, хотя и странно отъ кого либо требовать говорить обязательно на моемъ языкѣ, хотя и странно изъ польскихъ устъ слышать это требованіе, потому что никто отъ такого требованія не страдаетъ такъ, какъ поляки, потому что поляки больше кого бы то ни было должны были бы уважать свободу языка. Въ томъ, что мы должны были бы поддержать польскую печать и польскій театръ, которые иначе, какъ заявляла недавно іудофобская газета «Dzien», гибнутъ? Но, скажите, ради Бога, развѣ евреи обязаны поддерживать польскую печать и польскій театръ, если ихъ не поддерживаетъ и само польское общество? Развѣ та или иная польская газета издается для евреевъ, а не для поляковъ? И что ужаснаго, что оскорбительнаго для поляковъ въ томъ, что еврейскую печать поддерживаютъ евреи? Развѣ отбила у польской печати какая-нибудь еврейская газета хоть одного польскаго читателя? Развѣ отбилъ у польскаго театра хоть одного польскаго зрителя еврейскій театръ? И если польскія газеты не пользуются такимъ распространеніемъ, какъ еврейскія, то слѣдуетъ въ такомъ случаѣ обрушиваться на польскихъ читателей, а не на евреевъ! И если польскіе театры дѣйствительно пустуютъ, то слѣдуетъ громить поляковъ, а не евреевъ! Правда, поляки увѣряютъ, что это происходитъ отъ того будто бы, что правительство въ предѣлахъ Царства Польскаго къ евреямъ относится болѣе снисходи-

тельно, чѣмъ къ полякамъ, что оно разрѣшаетъ имъ и націоналистическую пропаганду. и свободное основаніе школъ грамотности и т. п. Это, конечно, неправда. Но предположимъ, что поляки правы. Предположимъ, что въ предѣлахъ Царства П. русское правительство дастъ евреямъ всѣ тѣ блага, на которыя указываютъ поляки. Что же должны дѣлать евреи? Отказаться отъ этихъ правъ? Отказаться отъ школъ, грамотности, газетъ, языка? Не правильнѣе-ли нападать на правительство за то. что оно не дастъ полякамъ того то и того то. чѣмъ обрушиваться на евреевъ : а то, что правительство имъ дастъ... школы. хотя, повторяемъ, это неправда! Въ связи съ этимъ. продолжаютъ евреи, можно отвѣтить и на упреки, что мы будто бы поддерживаемъ бойкотируемыя поляками учебныя заведенія, такимъ образомъ: да, мы поступаемъ не въ польскія учебныя заведенія, а въ русскія, потому что намъ нужны права, какъ они нужны и полякамъ, но поляки бойкотируютъ русскія учебныя заведенія, а мы нѣтъ, по той простой причинѣ, что, во-первыхъ, русскія учебныя заведенія существуютъ и помимо насъ и не только для насъ; во-вторыхъ, намъ незачѣмъ бойкотировать русскую школу для польской школы. такъ какъ для насъ и та, и другая — чужая школа; въ-третьихъ, мы и безъ того ограничены въ правахъ на всемъ протяженіи Россіи и беремъ отъ правительства все, что можно взять: намъ-ли, ограниченнымъ въ правахъ, преслѣдуемымъ, гонимымъ, отказываться отъ послѣднихъ крохъ, — вѣть вотъ же поляки не бойкотируютъ учебныхъ заведеній Россіи внѣ Царства Польскаго за то, что въ нихъ существуетъ процентная норма для евреевъ, и никто ихъ не упрекаетъ, что они будто бы идутъ рука объ руку съ русскими антисемитами, — всѣ. въ томъ числѣ и евреи. очень хорошо понимаютъ, что поляки въ данномъ случаѣ нисколько не виноваты и что они берутъ отъ русскаго правительства все. что можно взять, и что иначе поступать они и не могутъ. Когда дѣло шло о солидарности всѣхъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, когда было «движеніе». когда бойкотъ только-что «поднимался», то, вѣдь, студенты-евреи въ варшавскомъ университетѣ. напр., покинули его стѣны демонстративно. борясь за

автономію поляковъ, примкнувъ къ ихъ національнымъ требованіямъ, поддерживая своихъ польскихъ товарищей. А въ настоящее время вѣдь не мало и поляковъ во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ университетѣ, и въ политехническомъ институтѣ, въ настоящее время вѣдь не мало и поляковъ, совершенно опредѣленно высказывающихся противъ бойкота.—какое же право имѣютъ бросать каменьями во все еврейство тѣ польскіе публицисты, которые почему-то воображаютъ, что разъ они за бойкотъ, то евреи обязаны отказаться отъ всего, обречь себя на всяческія лишенія, если даже на это не идутъ и очень многіе изъ поляковъ?—Упрекаютъ насъ въ національномъ! Но какое право имѣютъ упрекать насъ въ національномъ польскіе націоналисты? Признаютъ они чувство національнаго достоинства, любви къ своей націи, гордости за свою націю, жажды ея роста, развитія, счастья? Да, признаютъ, считаютъ его факторомъ культурной стойкости, культурнаго безсмертія,—въ людяхъ, отрицающихъ его, видятъ безотвѣтныхъ вредныхъ космополитовъ,—какъ же они могутъ не уважать этого чувства въ евреяхъ, не только не уважать, но и оскорблять? Какъ они могутъ, не унижая себя, издѣваться надъ этимъ чувствомъ, разъ оно затеплилось, заневеличилось, поднялось пламенемъ любви и мучительной тревоги въ истерзанной душѣ еврея? Когда ихъ упрекаютъ въ національномъ, то они говорятъ: нашъ національномъ—національномъ самообороны, это святое чувство самосохраненія. Такъ защищаютъ польскій національномъ даже польскіе радикалы. Ну, а еврейскій національномъ развѣ менѣе національномъ самообороны? Развѣ онъ менѣе чувство самосохраненія? Почему же такъ возстаютъ противъ него и такъ жестоко, такъ категорически требуютъ: ассимилируйтесь или убирайтесь вонъ? Культура? Историческія традиціи? Но кто обладаетъ болѣе древней культурой, чѣмъ евреи? Чья исторія долѣе богата вѣками, чѣмъ исторія еврейскаго народа? Кто изъ живущихъ народовъ такъ непосредственно участвовалъ въ созиданіи всемірно-историческаго прогресса, какъ евреи?

Наконецъ, говорятъ евреи, насъ упрекаютъ въ томъ, что мы тяготѣемъ болѣе къ русскому обществу, чѣмъ къ поль-

скому, между тѣмъ, какъ въ русскомъ обществѣ антисемитизмъ приводитъ къ погромамъ, а въ польскомъ обществѣ его даже и представить немыслимо. Тутъ колоссальное недоразумѣніе. Поляки хотятъ, чтобы всѣ смотрѣли на русское общество ихъ глазами. Мы хотя и націоналисты, утверждаютъ евреи,—однако, не дошли до націоналистическаго ослѣпленія, которое не позволило бы намъ видѣть, что есть русское общество и русское общество. Мы очень хорошо знаемъ, кто устраиваетъ погромы, и ненавидимъ ихъ всѣми силами души. Но наше счастье, или, вѣрнѣе, счастье нашего націонализма состоитъ въ томъ, что даже погромы не лишаютъ насъ той внутренней свободы, которая даетъ намъ возможность видѣть, какъ искренно и глубоко сочувствуетъ намъ все русское прогрессивное общество. Русское прогрессивное общество живетъ общечеловѣческими идеалами. Вся прогрессивная русская печать пропитана общечеловѣческими принципами. Вся русская литература—страстная проповѣдь общечеловѣческой любви и справедливости. Въ виду этого поляки даже упрекаютъ русскихъ, что они лишены національнаго сознанія, и иногда очень рѣзко осуждаютъ русскій «космополитизмъ». Наоборотъ, громадное большинство поляковъ проникнуто націонализмомъ, и настолько страстнымъ, что они неспособны часто отличить русскаго радикала отъ русскаго Меньшикова. Вся польская печать и вся польская литература насквозь національны. Поляки считаютъ это великимъ ея достоинствомъ, гордятся этимъ, видятъ въ этомъ свое великое преимущество передъ русскими. А послѣдствій, между тѣмъ, никакъ признать не хотятъ. Свойство національнаго, сила націонализма въ о т т а л к и в а н і и. Сила общечеловѣческаго, свойство его въ п р и т я ж е н і и. Еврей, какъ и представитель всякой иной народности, не можетъ примкнуть къ полякамъ или къ русскимъ только потому, что они поляки или русскіе. Притягиваетъ человѣка другой народности къ данной культурѣ, главнымъ образомъ, то, что въ ней есть драгоцѣннаго для ч е л о в ѣ к а в о о б щ е, а не только для человѣка данной національности. Вотъ почему евреи всюду въ иной національной средѣ примыкаютъ въ большинствѣ

случаевъ къ радикальнымъ и соціалистическимъ группамъ, т. е. къ тѣмъ которыя наиболѣе проникнуты общечеловѣческими идеалами. Вотъ почему въ «борьбѣ за еврейскую душу» польское общество всегда побѣждается русскимъ обществомъ. Въ Россіи нѣтъ ни одного, даже наиболѣе скромнаго провинціальнаго, мало-мальски прогрессивнаго органа, который бы хоть когда-нибудь сказалъ объ евреяхъ то, что говорятъ даже наиболѣе вліятельные и даже наиболѣе радикальные органы польской печати. Ни одинъ русскій еврей не испыталъ отъ прогрессивнаго русскаго общества то, что испыталъ, напр., совершенно ассимилированный польскій еврей, извѣстный критикъ Фельдманъ, отъ польской печати, которая всѣ его ошибки чисто литературнаго характера объясняла исключительно тѣмъ, что онъ «жидъ». Въ русскихъ соціалистич. партіяхъ очень много евреевъ, но ни одинъ русскій прогрессивный человѣкъ, даже враждебно относящійся къ соціализму, даже имѣющій личные или партійные счеты съ соціалистическими партіями, не посмѣетъ бороться съ ними антисемитическимъ оружіемъ, нападать на нихъ, какъ на «жидовскую» организацію. А что дѣлаетъ безнаказано въ польской печати Нѣмоевскій? Нѣмоевскій, который считается не какимъ-либо второразряднымъ писакой, а украшеніемъ польской литературы, наиболѣе видимъ радикальнымъ публицистомъ?! Громитъ польскихъ с.-д. не за то, что они с.-д., а за то, что средп нихъ не мало евреевъ! И никто, кромѣ евреевъ же, не протестуетъ противъ этого въ польской печатп! И удивляются, почему это евреи очень дружно живутъ съ русскимъ прогрессивнымъ обществомъ, а къ польскимъ общественнымъ группамъ примыкаютъ съ большимъ трудомъ! Хотятъ чуда; хотятъ, чтобы льнули къ тѣмъ, кто дѣлаетъ все, чтобы оттолкнуть, хотятъ, чтобы льнули, не смотря на требованія: «не смѣйте думать по-своему, убирайтесь прочь, благодарите насъ за то, что нѣтъ погромовъ».

Я постарался добросовѣстно и по возможности точно передать и то, въ чемъ обвиняютъ евреевъ поляки, и то, какъ на это отвѣчаютъ евреи. Многое сказанное выше передано почти собственными словами евреевъ, съ которыми мнѣ при-

шлось бесѣдовать. И думаю, что впечатлѣніе получится такое, что правы евреи и неправы поляки. И происходитъ это не отъ того, что поляки абсолютно неправы, а евреи абсолютно правы, а исключительно отъ того, что позиція поляковъ въ этой польско-еврейской распрѣ чисто національнистическая, а позиція евреевъ, даже будучи національнистической, оказывается все-таки общечеловѣческой. Евреи совершенно правы, когда говорятъ, что сила національнаго въ отталкиваніи. И громадная ошибка польскихъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей состоитъ въ томъ, что они не сумѣли преодолѣть въ себѣ стихійнаго чувства и стать на точку зрѣнія общечеловѣческую. Антагонизмъ евреевъ и поляковъ—фактъ, который созданъ жизнью, противъ него ничего не могутъ подѣлать ни филиппики, ни тѣ или иныя теоріи, а, между тѣмъ, онъ только обостряетъ еврейскій національнизмъ, создаетъ все болѣе и болѣе оправдывающія его условія, все болѣе вооружаетъ его симпатіями всѣхъ стоящихъ на общечеловѣческой точкѣ зрѣнія. Если ассимиляція съ польской точки зрѣнія желательна. то она осуществима только на почвѣ общечеловѣческой, и польскіе публицисты, желающіе ассимиляціи евреевъ, въ отвѣтъ на еврейскій «сепаратизмъ» должны были бы все болѣе и болѣе совершенствовать языкъ общечеловѣческихъ стремленій, а не просто кричать: «ассимилируйтесь или убирайтесь»! Если-же ассимиляція — иллюзія, то, все равно, побѣдить еврейства антагонизмомъ невозможно, тѣмъ болѣе, что дѣло вѣдь не только въ евреяхъ, но и въ русскомъ законодательствѣ. Антисемитизмъ только усиливаетъ евреевъ. Таковъ долженъ былъ бы быть голосъ просто «практическаго разума», если онъ даже не хочетъ признавать общечеловѣческой правды и общечеловѣческой справедливости... Но все это теорія.

Практика же идетъ своими путями. Жизнь столкнула евреевъ и поляковъ, поднялись вихри, и каждый хватается за оружіе, которое ему кажется наиболѣе подходящимъ для борьбы. Для насъ, русскихъ, вопросъ заключается въ этомъ случаѣ только въ слѣдующемъ: гдѣ причины, гдѣ выходъ и какая должна быть наша роль въ этой польско-еврейской борьбѣ. Мы можемъ подойти къ вопросу болѣе объективно, чѣмъ поляки и евреи.

Мы понимаемъ, что уничтоженіе черты осѣдлости само по себѣ далеко не остановитъ этого процесса: евреи, поселившіеся въ Польшѣ, не эмигрируютъ въ такомъ количествѣ, о какомъ мечтаютъ польскіе антисемиты. Но оно несомнѣнно облегчитъ его въ значительной степени. Не будетъ новаго притока евреевъ. Не будетъ этого оправданія польскаго антисемитизма, на которое такъ любятъ ссылаться даже прогрессивные поляки. Сила притяженія общечеловѣческихъ идеаловъ русскаго общества отвлечетъ многихъ евреевъ отъ Польши, если только въ самомъ русскомъ обществѣ не возникнетъ «асемитизмъ», за что ручаться не приходится, судя по нѣкоторымъ признакамъ, которые можно было наблюдать года два три тому назадъ. Окрѣпнетъ, наконецъ, въ нѣдрахъ польскаго общества истинный радикализмъ, который растетъ и сила котораго—въ сочетаніи національнаго съ общечеловѣческимъ. И онъ долженъ будетъ признать фактъ существованія еврейскаго народа. То, что сейчасъ кажется столь оскорбительнымъ, столь невозможнымъ полякамъ, привыкшимъ къ старымъ категоріямъ, то для него будетъ просто и понятно. Жизнь не считается съ теоріями и человѣческими протестами и мольбами. Она ломаетъ все, чтобы торжествовать.

Наша роль во всемъ этомъ можетъ быть одна: стоять на общественной точкѣ зрѣнія и во имя нея прежде всего стремиться создать въ Россіи условія всеобщаго равноправія. Главнымъ источникомъ польскаго антисемитизма является то, что въ Россіи все еще господствуетъ система оффиціальной народности...

Но мы вѣримъ: нашъ часъ пробьетъ, солнце взойдетъ.

Ник. Дубровскій.

Варшава.

Р. Эмовскій.

Изъ серіи статей подъ заглавіемъ „Наша политика въ еврейскомъ вопросѣ“.

...Фактическую сторону вопроса слѣдуетъ восполнить еще нѣкоторыми подробностями.

Изъ 11 членовъ кола—пять настаивали на голосованіи за ограниченія; такое же раздѣленіе мнѣній имѣло мѣсто въ «колѣ Литвы и Руси».

Въ думской коммиссіи были два представителя поляковъ: деп. Грабскій отъ польскаго кола и виленскій деп. Монтвиллъ отъ «кола Литвы и Руси». Деп. Монтвиллъ въ голосованіи пунктовъ, касающихся евреевъ въ самоуправленіи, участія не принималъ, ибо заявилъ, что онъ—глубоко-убѣжденный сторонникъ еврейской куріи съ ограниченіями и совѣсть ему не позволяетъ голосовать иначе; не имѣя, однако, возможности, вслѣдствіе рѣшенія кола, голосовать согласно своему убѣжденію, онъ потребовалъ позволенія отсутствовать.

Мнѣніе политическихъ лагерей въ нашемъ краѣ, какъ оно высказалось въ этомъ вопросѣ, сводится къ слѣдующему:

Партія народово-демократическая — за еврейскую курію и за ограниченіе числа ея представителей въ мѣстномъ самоуправленіи 10-ю проц., какъ предложено правительствомъ.

Прогрессисты разныхъ толковъ—за полное равноправіе; партія реальной политики одно время была противъ куріи вообще и противъ евр. куріи въ частности, но впослѣдствіи перемѣнила взглядъ и оффиціально высказалась за полное равноправіе. Эту позицію она, однако, снабдила оговоркой, что въ случаѣ, если еврейская курія все-таки пройдетъ, необходимо будетъ обезпечить самоуправленіе отъ перевѣса нежелатель-

ныхъ еврейскихъ элементовъ. Изъ этой партіи именно и вышелъ проектъ воздержаться отъ голосованія при вопросѣ объ ограниченіи числа гласныхъ отъ еврейской куріи.

—

Еврейскій вопросъ—это та почва, на которой національный интересъ и либеральные принципы не дадутъ себя примирить, а должны будутъ стать другъ противъ друга. Принципъ либерализма говоритъ: всѣ жители края суть его граждане; всѣ граждане должны имѣть одинаковыя права; слѣдовательно, евреи, какъ жители нашего края, не могутъ быть ни въ какомъ отношеніи ограничены, а должны наравнѣ съ прочими жителями пользоваться выгодами участія въ самоуправленіи. Національный интересъ, понятый реально, говоритъ: въ нашемъ краѣ около 15 проц. еврейскаго населенія; это населеніе было намъ всегда чуждо въ культурномъ и моральномъ отношеніи и само держалось обособленно, а теперь явно противопоставляетъ себя намъ, декларируя свою связь съ евреями другихъ странъ; если еще евреи получатъ равноправіе въ самоуправленіи, то большинство нашихъ городовъ подпадетъ подъ власть чуждаго и даже враждебнаго намъ элемента, и хозяйство въ городахъ будетъ вестись вопреки интересамъ нашего общества; отсюда вытекаетъ необходимость въ законахъ, которые никогда не допускали бы перевѣса евреевъ въ управленіи городскимъ хозяйствомъ.

Этихъ *двухъ точекъ зрѣнія примирить нельзя, необходимо* стать *либо на одну, либо на другую. Надо себѣ сказать: либо дороже всего для меня принципъ либерализма, или* же нужды націи и страны.

Мы безъ колебанія занимаемъ—какъ занимали до сихъ поръ—вторую позицію.

Желая обезпечить наши города отъ преобладанія евреевъ въ ихъ самоуправленіи, необходимо ограничить избирательныя права евреевъ. Другого пути къ этой цѣли нѣтъ, и всѣ проекты, стремящіеся достигнуть той же цѣли какимъ-нибудь

не прямымъ путемъ, безъ примѣненія ограниченій для евреевъ, какъ таковыхъ, оказались въ нашихъ условіяхъ невыдерживающими критики.

Необходимо, чтобы евреи, даже тамъ, гдѣ они въ большинствѣ, имѣли меньшее вліяніе на составъ городской думы, чѣмъ польское населеніе. Ясно, что достигнуть этого можно только при ограниченіи активнаго избирательнаго права евреевъ. Ограниченіе же активнаго избирательнаго права евреевъ при прямыхъ выборахъ —а лишь такіе выборы имѣютъ смыслъ для городского самоуправленія — можетъ быть осуществлено однимъ изъ двухъ способовъ: либо чрезъ введеніе плюральной системы голосованія и предоставленіе избирателямъ не евреямъ бо́льшаго количества голосовъ, или же чрезъ созданіе особой еврейской избирательной куріи и ограниченіе числа гласныхъ, ею избираемаго. Никто, кажется, не обманывается насчетъ того, что у польскаго представительства едва ли хватитъ силы ввести въ русское законодательство новый, доселѣ ему неизвѣстный принципъ плюральнаго голосованія; а потому остается только одна основа для ограниченія активнаго избирательнаго права евреевъ—созданіе особой еврейской куріи.

Зато совершенно нѣтъ необходимости ограничивать пассивное избирательное право евреевъ. Съ нашей точки зрѣнія, ограниченіе активнаго права—достаточная гарантія польскаго характера самоуправленія. Если общая курія, въ которой рѣшающее значеніе будетъ имѣть польское населеніе, найдетъ кандидатовъ моисеева закона, которыхъ признаетъ возможнымъ избрать своими голосами въ гласные,-то несомнѣнно будутъ это люди, которые противъ блага страны и общества въ интересахъ евреевъ дѣйствовать не станутъ. По нашему мнѣнію, только въ исключительныхъ случаяхъ польскіе избиратели остановятся на такихъ кандидатахъ: но нѣтъ для насъ и надобности желать такого закона, который бы такихъ исключеній не допускалъ. Сущность власти въ самоуправленіи лежитъ въ активномъ избирательномъ правѣ, а потому для обезпеченія этой власти за польскимъ населеніемъ существенно

необходима только еврейская курія, ограниченная въ своемъ избирательномъ правѣ въ смыслѣ количества избираемыхъ ею гласныхъ.

Такова точка зрѣнія, диктуемая въ этомъ вопросѣ интересами націи и благомъ страны. Все другое ведетъ къ отдачѣ большинства нашихъ городовъ въ руки евреевъ.

Есть, правда, случаи, когда мы сознательно рѣшаемся понести ущербъ, если единственный способъ спастись отъ него угрожаетъ намъ еще бо́льшимъ ущербомъ въ другомъ направленіи. Можетъ быть, ограниченіе евреевъ въ самоуправленіи, связанное съ установленіемъ особой еврейской куріи, повлечетъ за собою именно такой «больній ущербъ» для насъ, что ради избѣжанія его ужъ лучше было бы отдать управленіе нашими городами въ еврейскія руки?..

Такъ именно утверждаютъ разнородные противники еврейской куріи...

Большимъ кредитомъ на Литвѣ и Руси пользуется слѣдующій аргументъ, подчеркиваемый нѣкоторыми тамошними депутатами: въ проектѣ земскаго самоуправленія для Западнаго края правительство предлагаетъ установить польскую курію, т. е. ограничиваетъ насъ при помощи того самаго средства, которымъ мы хотимъ ограничить евреевъ. Такимъ образомъ, признавъ необходимость еврейской куріи въ Царствѣ Польскомъ, мы тѣмъ самимъ ослабляемъ свою позицію въ борьбѣ противъ польской куріи на Литвѣ и Руси.

Но это есть отвѣтъ въ трехъ пунктахъ:

1) Мы на Литвѣ и Руси не то, что евреи въ Царствѣ Польскомъ. Мы не являемся бездомнымъ народомъ-сектой, дѣйствующимъ во вредъ другимъ обитателямъ края; мы тамъ въ самомъ глубокомъ значеніи слова граждане края, самый культурный его элементъ, ограниченіе котораго въ самоуправленіи только понизитъ цѣнность послѣдняго, тогда какъ съ евреями въ самоуправленіи Царства Польскаго дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Несомнѣнно, въ русской Думѣ все возможно, тамъ могутъ использовать противъ насъ аналогіи съ евреями и сослаться на нашу позицію въ вопросѣ о

самоуправленіи для Царства Польскаго. Это даже можетъ нѣсколько ослабить насъ, но не выбьетъ у насъ оружія изъ рукъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые.

2) О побѣдѣ нашей въ вопросѣ земства для Литвы и Руси не можетъ быть и рѣчи. Этотъ вопросъ будетъ неизбѣжно рѣшенъ противъ насъ. Мы боремся потому, что нельзя проигрывать безъ борьбы. Но ради того, чтобы усилить себя на одно очко въ дѣлѣ, заранѣе пропащемъ, нельзя оставлять совершенно справедливую и представляющую для насъ безпримѣрное реальное значеніе позицію въ другой борьбѣ. Это значило бы ради малой и притомъ абстрактной выгоды потерпѣть большое реальное пораженіе. Народъ, который такъ нерасчетливъ въ политикѣ, долженъ погибнуть.

3) Если бы и было возможно, высказавшись противъ еврейской куріи въ Ц. П., устранить польскую курію въ Зап. краѣ и нѣсколько улучшить положеніе поляковъ въ тамошнемъ земствѣ, то еще вопросъ: окупила ли бы эта выгода тотъ ущербъ, который связанъ съ выдачей городовъ Ц. П.—главнаго устоя нашей національной жизни—въ добычу евреямъ...

Остается намъ еще спросить нашихъ единоплеменниковъ Литвы и Руси, пожелали ли бы они равноправія евреевъ въ тамошнемъ гор. самоуправленіи? Какой видъ имѣла бы гор. дума Вильны и другихъ городовъ, если бы не дѣйствующій законъ, который устраняетъ евреевъ отъ городскихъ выборовъ?.. Пусть они вспомнятъ выборы въ первую Думу отъ той же Вильны. Вспомнилъ о нихъ, вѣроятно, и виленскій депутатъ (Монтвиллъ), когда заявилъ въ коло, что совѣсть ему не позволяетъ голосовать противъ еврейской куріи и, воздержался отъ голосованія въ вопросѣ объ ограниченіи числа гласныхъ...

Если когда-либо станетъ на очередь законъ о гор. самоуправленіи для Литвы и Руси, эти края не меньше Ц. П. будутъ нуждаться въ еврейской куріи. Надо предвидѣть это, и потому теперь, желая бороться противъ курій въ земствѣ, мы можемъ стать только на одну точку зрѣнія: между польскимъ и еврейскимъ вопросомъ нѣтъ никакой аналогіи. Ограниченія, относящіяся къ евреямъ, не принадлежатъ къ категоріи ни національныхъ, ни религіозныхъ

ограниченій. Евреи—это евреи, совершенно специфическое соціальное образованіе, не подходящее ни подъ какія европейскія категоріи.

Указываютъ также на то, что мы, отстаивая ограниченія для евреевъ, идемъ на конфликтъ съ поддерживающей насъ лѣвой Гос. Думы и рискуемъ потерять на будущее время ея поддержку. По этому вопросу я уже подробно высказался въ недавней дискуссіи и здѣсь распространяться не буду. Скажу лишь вкратцѣ, что наши дружественныя отношенія съ русской лѣвой никогда не опирались на признаніе съ нашей стороны всей ея программы. Мы ей никогда не ставили программныхъ требованій, и она тоже не вправѣ намъ ихъ ставить. И въ данномъ случаѣ мы вѣдь не требуемъ, чтобы она голосовала за ограниченіе еврейскихъ правъ, но пусть и она предоставитъ намъ самимъ судить о томъ, что мы считаемъ для себя полезнымъ. Если ея журналисты и политики слишкомъ вмѣшиваются въ дѣла нашей политической совѣсти, мы имъ говоримъ: „руки прочь"; если же они ведутъ себя по отношенію къ намъ съ надлежащей скромностью и сдержанностью, нѣтъ у насъ никакого повода портить свои отношенія съ ними.

Если бы либеральный лагерь въ Россіи оказался по отношенію къ намъ настолько нетерпимымъ, чтобы за какой либо шагъ съ нашей стороны, несогласный съ его программой, пойти противъ насъ въ своей политикѣ,—онъ этимъ только сталъ бы въ противорѣчіе съ собственнымъ либерализмомъ и доказалъ бы, что его отношеніе къ польскому дѣлу неискренно, что оно вытекаетъ только изъ тактики, цѣлью которой является—распространить свое вліяніе на Польшу. А тактика -вещь очень неустойчивая, способная во всякую минуту измѣниться, и мы не можемъ поставить себѣ цѣлью вѣчно стараться о томъ, чтобы тактика эта какъ-нибудь не измѣнилась.

Польская политика должна прежде всего помнить о томъ, что несетъ отвѣтственность за судьбы края,—должна заботиться о томъ, чтобы ничѣмъ не повредить его интересамъ и, по возможности, улучшить условія быта его. Когда намъ гово-

рять: отдайте въ руки евреевъ самоуправленіе вашего края, и за то мы будемъ вмѣстѣ съ вами протестовать противъ вашихъ обидъ и, когда станемъ сильны, поможемъ вамъ кое чего и добиться,—то на это есть у насъ одинъ только отвѣтъ: мы въ настоящее время обобраны во всѣхъ отношеніяхъ и ничего не можемъ отдать, ничего изъ нашего добра потерять. Ибо если въ нашемъ краѣ будетъ хозяйничать съ нашего согласія чужой и враждебный элементъ, никакіе протесты насъ не освободятъ и никакія надежды на будущія благодѣянія не придадутъ намъ жизненной силы.

—

Далѣе, противъ ограниченій для евреевъ въ самоуправленіи выдвигаются также аргументы нравственнаго свойства.

«Народъ нашъ—говорятъ намъ—отличался всегда терпимостью, гостепріимно пріютилъ евреевъ на своей землѣ, никогда ихъ не преслѣдовалъ; наконецъ, равноправіе евреевъ въ Ц. П. есть наше созданіе—оно введено было Велепольскимъ. Политика ограниченій непримиримa съ нашей національной традиціей».

Надо, наконецъ, покончить съ той фикціей, какую представляетъ мнимая наша историческая любовь къ евреямъ,—любовь, которая, будь это правда, свидѣтельствовала бы о крайне печальномъ уровнѣ нашей національной живучести и нашего здраваго смысла и о полномъ у насъ отсутствіи инстинкта самосохраненія.

Правда, мы—несмотря на все, что умѣютъ разсказывать о насъ наши враги, —были націей съ исключительно слабою склонностью къ фанатизму, что связано съ извѣстными недостатками нашего характера, съ нашей мягкостью и значительнымъ, въ сущности, индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры. Потому и религіозная борьба всегда протекала въ Польшѣ мягче, нежели въ другихъ странахъ.

Но что касается до нашего отношенія къ евреямъ, то исторія нашей родины знаетъ и законы противъ евреевъ, и изгнанія ихъ изъ Рѣчи Посполитой, и даже погромы. Быть можетъ. не всѣмъ извѣстно, что 10 мая 1791 года, по провозглашеніи нашей великой конституціи, мы имѣли въ Варшавѣ еврейскій погромъ.

Край нашъ лишь постольку былъ для евреевъ гостепріимнѣе другихъ странъ Европы, поскольку мѣщанство у насъ было слабѣе, было въ большемъ угнетеніи у шляхты. Для шляхты еврей былъ удобнѣе польскаго мѣщанина съ его политическими домогательствами, а потому она часто покровительствовала первому противъ послѣдняго. Но политика разоренія городовъ и польскаго мѣщанства не есть традиція, которую слѣдовало бы намъ культивировать. Это еще болѣе печальная традиція, чѣмъ liberum veto, на которое мы умѣемъ такъ горько жаловаться.

Въ тѣ исторические моменты, когда мѣщанство наше получало силу, положеніе евреевъ сейчасъ же ухудшалось, узаконенія, направленныя противъ нихъ, становились строже. До конца существованія Рѣчи Посполитой евреи въ городахъ жили только на посессіяхъ магнатовъ, ибо города не пускали ихъ на свою землю, и только пруссаки послѣ раздѣла открыли предъ евреями ворота городовъ.

Гдѣ же эта традиція любви къ евреямъ, о которой столько пишется въ книжкахъ для дѣтей и въ статьяхъ для взрослыхъ?...

Фактомъ является только то, что уравненіе евреевъ въ правахъ было дѣломъ поляковъ, ибо завершилъ его Велепольскій. Но традиція, идущая отъ временъ Велепольскаго,—это не такая ужъ древность и святыня!.. Не Велепольскій создалъ основы нашего національнаго бытія. Можно считать его, въ лучшемъ случаѣ, выдающимся политикомъ, который дѣлалъ и умные, и ложные шаги - и къ послѣднимъ слѣдуетъ относиться весьма критически.

Кромѣ того говорятъ намъ, что политика ограниченій деморализуетъ націю, пріучая ее разсчитывать на привиллегіи, а не на собственныя силы и собственный трудъ. Утвержденіе это, взятое вообще, заключаетъ въ себѣ много справедливаго. Мы сами ни при какихъ условіяхъ не были бы сторонниками національной политики, выстроенной на ограниченіяхъ и привиллегіяхъ, классовыхъ, вѣроисповѣдныхъ или національныхъ.

Но еврейскій вопросъ не подходитъ подъ обычныя правила. Эта нація-секта, играющая среди человѣческаго обще-

ства роль чужого тѣла, замкнутаго, обособленнаго, связаннаго узами спеціальной солидарности, руководящагося чуждой и намъ враждебной этикой, конспирирующаго противъ среды, въ которой живетъ,—эта нація-секта при равноправіи получаетъ привиллегированное положеніе, ибо, получая наравнѣ съ другими жителями тѣ же права, но признавая надъ собою совершенно иныя обязанности, она пользуется этими правами не для общаго, а исключительно для своего блага.

Легко бросить фразу, что ограниченіе евреевъ въ самоуправленіи, ограждая польское населеніе отъ преобладанія евреевъ силою закона, помѣшаетъ этому населенію развить въ себѣ способность къ соперничеству съ евреями помощью собственныхъ силъ и энергіи. А попробуйте представить себѣ: какъ же будетъ это польское населеніе соперничать съ евреями, когда оно будетъ находиться въ городахъ подъ ихъ экономической властью? Самое большее, что тогда останется ему, это—жаловаться на гнетъ и мечтать о погромахъ,—между тѣмъ какъ намъ надо стремиться къ тому, чтобы борьба съ евреями развивалась не по пути дикой, анархической реакціи низшихъ инстинктовъ, но по пути культурнаго, разумно организованнаго вытѣсненія ихъ изъ экономическихъ позицій въ край и очищенія нашей моральной жизни отъ ихъ вліянія. Для этого нужно, чтобы органы, руководящіе нашей соціальной жизнью, были въ нашихъ, а не въ еврейскихъ рукахъ.

Остается, наконецъ, разсмотрѣть послѣдній аргументъ. Ибо арсеналъ противниковъ еврейскихъ ограниченій богатъ, но не неисчерпаемъ.

Они говорятъ, что если мы примемъ принципъ ограниченій, вся Европа будетъ нами возмущена.

Во-первыхъ, у европейскихъ народовъ слишкомъ достаточно своихъ хлопотъ, чтобы они не нашли себѣ лучшаго занятія, какъ плакать надъ нашими евреями, или надъ нашимъ нравственнымъ упадкомъ. У нихъ не хватаетъ времени горевать надъ нашими несчастіями, почему же они найдутъ непремѣнно время для евреевъ! И, наконецъ, надо спросить, о какой тутъ Европѣ идетъ рѣчь?..

Пишущій эти строки тоже немного знаетъ Европу и даже имѣлъ случай бесѣдовать съ весьма выдающимися европейцами о еврейскомъ вопросѣ у насъ и, въ частности, о самоуправленіи. И чаще всего приходилось ему слышать мнѣніе, что добровольно отдать городское хозяйство на нашей землѣ въ еврейскія руки значило бы съ нашей стороны засвидѣтельствовать полную утрату нами всякаго инстинкта самосохраненія и политическаго здраваго смысла. Ни одинъ жизнеспособный народъ не дѣлаетъ такихъ самоубійственныхъ глупостей, а если въ Зап. Европѣ нѣтъ такихъ ограниченій, то лишь потому, что тамъ нѣтъ городовъ съ 70-ью % чужого элемента, враждебнаго мѣстному населенію.

Правда, печать въ разныхъ странахъ переполнена евреями, которые чаще всего—въ благодарность за наше равноправіе всячески третируютъ насъ. Но, все же, врядъ-ли мы станемъ кроить свою политику по указаніямъ этого рода журналистовъ, тѣмъ болѣе, что и они не такъ всемогущи. Лучшій доводъ—что два года тому назадъ они пытались развить кампанію противъ Финляндіи за ея нежеланіе впускать евреевъ—и голоса ихъ остались безъ отклика...

Но за этой «Европой» есть другая, о которой мы упомянули выше, которая чутко относится къ интересамъ каждаго народа—и презираетъ тѣхъ, кто самъ неспособенъ ощутить свои интересы. Прежде всего надо постараться, чтобы насъ не презирали.

Интервью съ депутатомъ Грабскимъ. *)

На вопросъ, какова позиція коло или его самого въ евр. вопросѣ, деп. Грабскій отвѣтилъ:

— Коло, какъ таковое, позиціи своей не опредѣлило. Оно только рѣшило голосовать противъ еврейской куріи, а въ вопросѣ о процентномъ ограниченіи числа еврейскихъ гласныхъ воздержаться отъ голосованія въ коммиссіи. Моей задачей было- -мотивировать упомянутое рѣшеніе коло, согласно моимъ взглядамъ на еврейскій вопросъ вообще и въ соотвѣтствіи съ интересами нашего края.

— Каковъ же, такимъ образомъ, личный взглядъ почтеннаго депутата?

— Свой взглядъ на еврейскій вопросъ я изложилъ въ мотивировкѣ упомянутаго голосованія въ коммиссіи, которая въ свое время была передана нашей печатью.

— Какъ я уже отмѣтилъ, я считаю концентрацію еврейскаго населенія въ нашихъ городахъ явленіемъ непріятнымъ; теперь же могу прибавить, что это непріятное явленіе составляетъ, по моему мнѣнію, одну изъ важнѣйшихъ болѣзней нашей внутренней національно-общественной жизни. Отсутствіе польскаго мѣщанства, какъ извѣстно, уже въ прошломъ вредно отражалось на нашихъ интересахъ, и въ настоящее время также понижаетъ общій культурный уровень нашего общества. Совсѣмъ иначе выглядѣла бы наша страна. еслибы въ каждомъ ея закоулкѣ, въ деревняхъ и мѣстечкахъ, были элементы, обладающіе значительными капиталами и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущающіе свою принадлежность къ нашему національному организму.

— Въ силу этихъ общихъ условій, еврейскій вопросъ въ Ц. Польскомъ изъ года въ годъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Въ настоящее время все наше общество уже чувствуетъ необходимость принять какія-нибудь мѣры противъ грозящей ему опасности порабощенія новой чуждой сп-

*) „Slowo".

лой, силой еврейскаго элемента. Наравнѣ со всѣми, задумывающимися надъ будущностью народа, и я, стало быть, считаю необходимымъ выяснить себѣ, каковъ долженъ быть выходъ изъ создавшагося положенія вещей.

— Прежде всего слѣдуетъ предоставить равноправіе евреямъ. Это необходимо, по моему мнѣнію, совсѣмъ не для того, чтобы разрѣшить ихъ нужды — попеченіе о своихъ интересахъ мы можемъ предоставить самимъ евреямъ,—а именно въ интересахъ нашего польскаго общества. Ясно, что такое равноправіе должно распространяться на всю территорію Россійскаго государства. Предоставленіе какихъ-либо привиллегій еврейскому населенію одного нашего края вызвало бы еще больший наплывъ евр. элемента въ Польшу, чѣмъ тотъ, который наблюдался до настоящаго времени. А такъ какъ такой наплывъ еврейскаго населенія я не могу признать справедливымъ по отношенію къ польскому населенію, то дарованіе исключительныхъ правъ евреямъ Ц. Польскаго безъ предоставленія имъ таковыхъ въ самой Россіи было бы прямымъ и незаслуженнымъ ущербомъ интересамъ наиболѣе широкихъ слоевъ населенія въ Царствѣ Польскомъ.

— Ясно, что повсемѣстное равноправіе для евреевъ въ Россіи является лишь однимъ, и то довольно слабымъ средствомъ для разрѣшенія евр. вопроса. Наиболѣе важнымъ я считаю сосредоточеніе нашихъ силъ на созиданіи польскаго мѣщанства.

— Въ этомъ отношеніи передъ нами открытое поле для работы. Точно такъ же, какъ мы считаемъ національнымъ пріобрѣтеніемъ всякій моргъ земли, выкупленной поляками изъ чужихъ рукъ, такъ же мы должны считать каждую новую польскую фирму расширеніемъ нашего общенаціональнаго богатства.

— Такъ дѣлается въ Познани *), у насъ же еще до всего этого далеко.

---

*) Въ Познани въ 1865 г. евреевъ было 74.194, въ 1895 г. осталось только 40.019; между тѣмъ какъ нееврейское населеніе за это время почти удвоилось. Очевидно, г. Грабскій видитъ въ этомъ явленіи результатъ организованнаго, систематическаго вытѣсненія евреевъ поляками изъ всѣхъ экономическихъ позицій. *Прим. изд.*

— Весьма важнымъ, если не первостепеннымъ факторомъ разрѣшенія еврейскаго вопроса, я считаю ассимиляцію евреевъ; но она должна вестись иначе, чѣмъ до сихъ поръ, т. е. безъ нынѣшней пассивности со стороны нашего общества. Только когда нашему обществу удастся путемъ общихъ усилій создать свои собственныя польскія позиціи въ промышленности и торговлѣ, оно пріобрѣтетъ ассимилирующую силу по отношенію къ евреямъ. Евреи въ Польшѣ, по моему мнѣнію, будутъ ассимилироваться въ большемъ количествѣ лишь тогда, когда мы сумѣемъ сдѣлать для нихъ эту ассимиляцію полезной. Для того же, чтобы такое активное отношеніе нашего общества къ ассимиляціи евреевъ сдѣлалось фактомъ, мы должны стремиться къ тому, чтобы націонализаціяевреевъ въ антипольскомъ или не польскомъ направленіи была бы для нихъ самихъ невыгодной. Евреи въ Германіи даже не пытаются создать для себя собственный націонализмъ, ибо они знаютъ, что это чревато весьма и весьма непріятными послѣдствіями. У насъ же, наоборотъ, еврею-націоналисту удается лучше устроить свои дѣла, чѣмъ еврею-ассимилятору. Къ евреямъ-ассимиляторамъ поляки относятся какъ ко всѣмъ прочимъ евреямъ и на особую поддержку съ ихъ стороны тѣ разсчитывать не могутъ, въ то время какъ евреи-націоналисты пользуются поддержкой со стороны евреевъ, и самое враждебное отношеніе къ полякамъ ихъ дѣламъ не повредитъ.

— Такое привиллегированное положеніе еврейскаго націонализма возможно, во первыхъ, потому, что евреямъ удалось почти монополизировать многія отрасли торговли и промышленности, и, во вторыхъ, потому что наше общество относится пассивно къ происходящему среди евреевъ расколу. А между тѣмъ, мы должны были бы считать тѣхъ евреевъ, которые принимаютъ польскую культуру, за настоящихъ поляковъ не только de nomine, а также de facto. Нечего опасаться, что ассимилированные евреи будутъ оказывать слишкомъ большое вліяніе на нашу польскую культуру, такъ какъ вредное вліяніе могутъ оказывать на насъ не тѣ евреи, которые дѣйствительно стали поляками, а тѣ только, которые притворяются таковыми.

— Опираясь на эти предпосылки, я являюсь противникомъ антисемитизма и дискредитированія еврейской ассимиляціи. Надѣяться на то, что мы когда-нибудь совсѣмъ избавимся отъ евреевъ, было бы наивной иллюзіей. Со временемъ намъ, должно быть, удастся уменьшить процентъ евреевъ въ нашемъ краѣ, хотя въ теченіе послѣдняго столѣтія этотъ процентъ, хоть и незначительно, все же увеличивался. Но если мы даже достигнемъ значительнаго пониженія ихъ процента, они все же останутся навсегда внушительнымъ сильной численностью элементомъ, и для насъ, какъ для общества, не желающаго добровольно распадаться, ихъ ассимиляція всегда будетъ необходимостью.

— Какія еще подробности можетъ г. депутатъ сообщить мнѣ о ходѣ дебатовъ о еврейскомъ вопросѣ въ коммиссіи?

— Будучи противникомъ антисемитизма, я предложилъ отвергнуть ограниченія, касающіяся выбора евреевъ въ президенты городскихъ думъ, городскіе головы и т. п. Интереснѣе всего для меня было проявленіе со стороны евреевъ и представителей ихъ интересовъ національно-еврейской точки зрѣнія. Изъ русскихъ депутатовъ тамъ болѣе выдающимся защитникомъ еврейскихъ интересовъ оказался депутатъ Масленниковъ. Противъ особой еврейской куріи еврейскіе депутаты выступили весьма слабо, въ то время какъ, по моему мнѣнію, созданіе такой куріи является не только несправедливостью, но также основнымъ вредомъ для польскихъ интересовъ въ большихъ городахъ Царства Польскаго. Извѣстно, что евреи составляютъ большинство только въ маленькихъ городахъ, въ большихъ же, какъ, наприм., Варшава, Лодзь. Сосновицы и т. д., евреи составляютъ лишь значительное меньшинство. Не подлежитъ поэтому ни малѣйшему сомнѣнію, что именно въ этихъ городахъ, имѣющихъ для насъ гораздо большее значеніе, чѣмъ остальные мелкіе пункты, преобладающее польское населеніе, при отсутствіи еврейской куріи, выбирало бы въ гласные думы лишь такое количество евреевъ, какое оно считало бы необходимымъ въ общихъ интересахъ, и, что наиболѣе важно, выбирало бы

лишь такихъ евреевъ, которые съ польской точки зрѣнія этого заслуживаютъ. Существованіе же особой еврейской куріи, независимо отъ того, будетъ ли она вправѣ выбирать 20, 10 или даже только 5 проц. гласныхъ, для насъ, поляковъ, чрезвычайно невыгодно, ибо гласные—евреи, которыхъ эта курія будетъ выдвигать, несомнѣнно будутъ гораздо хуже настроены по отношенію къ намъ, чѣмъ тѣ, которыхъ избрала бы общая курія. Поэтому я и являюсь такимъ противникомъ еврейской куріи.

Будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и противникомъ еврейскаго національнзма. я предвижу, что чѣмъ больній процентъ гласныхъ будетъ выбирать еврейская курія, тѣмъ больше намъ будетъ угрожать опасность еврейскаго національнзма. Признаніе еврейской куріи съ правомъ избирать пропорціональное своей численности количество гласныхъ было бы тріумфомъ еврейскаго національнзма и дало бы евреямъ возможность быстро овладѣть всѣми нашими городами. Примѣра такого завоеванія не знаетъ исторія ни одной страны.

— Евреи были приняты въ нашъ край не какъ отдѣльная нація. Вообще никакой народъ не уступаетъ мѣста другому народу безъ борьбы. Евреи, однако, хотѣли бы овладѣть польскими городами способомъ, который до сихъ поръ нигдѣ еще не примѣнялся, при томъ еще настолько поражающимъ своей наивностью, что даже не заслуживаетъ серьезнаго обсужденія, ибо ясно, что если коммиссія, Дума и Совѣтъ учредятъ особую евр. курію, то отнюдь не для того, чтобы отдать евреямъ половину вліянія въ польскихъ городахъ. Если бы русскіе стремились къ равноправію евреевъ въ Польшѣ, то вообще не создавали бы еврейской куріи. Учрежденіе этой куріи имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку она влечетъ за собою ограниченіе правъ евреевъ. Поэтому-то всѣ дѣйствительные принципіальные противники правовыхъ ограниченій для евреевъ должны быть прежде всего противниками еврейской куріи. На такую именно точку зрѣнія стало польское коло. Между тѣмъ еврейскіе депутаты и нѣкоторые ихъ соратники

пзъ лѣвыхъ нападали не на курію, а на ограниченія въ самой куріи и спѣшились доказать, что съ момента, когда въ какой нибудь мѣстности оказывается еврейское большинство, то, хотя она и находится въ предѣлахъ Польши, она все таки перестаетъ уже быть польской мѣстностью и становится еврейской. Этимъ они обнажили передъ глазами всего нашего общества великую опасность, которая заключается въ еврейскомъ націонализмѣ. Націонализмъ этотъ меньше всего стремится къ равноправію въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Онъ добивается спеціально еврейскаго равноправія, т. е. выдѣленія евреевъ въ особую силу, въ особое политическое слагаемое, обезпечивающее себѣ собственный Besitzstand, работающее въ направленіи его расширенія, независимо отъ всѣхъ усилій польскаго общества разрѣшить еврейскій вопросъ на европейскій ладъ.

— Евреи хотятъ произвести у насъ попытку образованія собственной государственной организаціи, которой они до сихъ нигдѣ не обладаютъ и которую они давно уже утратили. Они полагаютъ что нигдѣ эта попытка не можетъ такъ легко увѣнчаться успѣхомъ, какъ въ Польшѣ, такъ какъ эта послѣдняя не имѣетъ своей собственной политической жизни...

— Не учли они, однако, одного обстоятельства, а именно, что русское правительство и русское общество, идущія на уступки въ области управленія городскимъ хозяйствомъ, исходятъ изъ убѣжденія, что польскій элементъ съумѣетъ выполнить свою задачу съ пользой для себя и для всего государства.

— Согласится-ли, однако, русское правительство и общество переуступить свои права и аттрибуты именно евреямъ? Въ близкомъ будущемъ этого во всякомъ случаѣ не будетъ.

А. Свѣнтоховскій.

(Изъ редакціонныхъ статей руководимыхъ А. Свѣнтоховскимъ органовъ: «Kultura Polska» и «Prawda»).

I.

Прогрессивная партія и евреи.

Весною этого года появились въ вленской «Wiedza» статьи г. Гроссера, пророчившія, что если польская пресса выступитъ противъ равноправія жаргонной «національности» въ муниципальныхъ учрежденіяхъ, то «возникновеніе первыхъ въ краѣ представительныхъ институтовъ станетъ началомъ внутренней національной борьбы въ Царствѣ Польскомъ, которая неумолимо повлечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія для края и его населенія обѣихъ національностей». На это «Посолъ Правды» [1]) въ статьѣ о «польско-еврейской уніи» написалъ: «Я бы тоже хотѣлъ оказаться плохимъ пророкомъ, но полагаю, что такая борьба подъ знаменемъ, вывѣшеннымъ авторомъ, будетъ имѣть печальныя послѣдствія, главнымъ образомъ, для евреевъ». Далеко намъ еще до первыхъ представительныхъ учрежденій, а пророчество «Посла Правды» уже отчасти исполняется. Борьба уже кипитъ, захватываетъ все болѣе широкіе круги и заставляетъ каждаго сдѣлать поскорѣе выборъ между борющимися сторонами; и выборъ этотъ тяжелѣе всего для тѣхъ евреевъ-поляковъ, для которыхъ — какъ легко понять—заключается нѣчто трагичное въ мысли, что дѣло можетъ кончиться необходимостью порвать, если не сердечныя, то во всякомъ случаѣ политически-гражданскія узы, связующія ихъ со средой, откуда они вышли...

Создается настроеніе раздраженное, полное подозрительнаго недовѣрія. На почвѣ этого недовѣрія создаются самыя

[1]) Псевдонимъ самого же А. Свѣнтоховскаго.

фантастическія порожденія. Одно изъ нихъ легенда о «прогрессивномъ антисемитизмѣ». Нѣсколько прогрессистовъ, самостоятельныхъ и только за себя самихъ отвѣтственныхъ, высунулись въ передовую линію борьбы, навязанной польскому обществу теоріями и практикой гг. Гроссера e tutti quanti. Ихъ аттака носила, такъ сказать, характеръ нерегулярной, партизанской вылазки за грань стратегической линіи; но грань эта разъ навсегда ясно опредѣлена резолюціями Польскаго Прогрессивнаго Союза отъ 5-го апрѣля с. г., провозгласившими лозунгъ политической и культурной ассимиляціи евреевъ, какъ условія ихъ фактическаго равноправія въ частной и общественной жизни. Согласно этимъ резолюціямъ, евреи не признаются за особый народъ съ развитымъ сознаніемъ, жаргонъ не признается ихъ національнымъ языкомъ; рѣшено энергично бороться съ еврейскими группами, провозглашающими принципы еврейскаго національнаго эгоизма, равнодушія къ польскому народу или противодѣйствія ему; ополяченныхъ евреевъ считать собратьями, обособляющихся—элементомъ чужимъ, а при извѣстныхъ условіяхъ и враждебнымъ; и, наконецъ, съ подобающей энергіей бороться противъ стремленій къ раздѣлу нашей земли и нашей организаціи между взаимно равноправными сторонами польской и еврейской. Извѣстно, что эти резолюціи вызвали въ національно-еврейскомъ лагерѣ и среди космополитическихъ еврейскихъ публицистовъ крайней лѣвой сильную ярость. «Представители различныхъ еврейскихъ группъ въ присутствіи представителей еврейской прессы» выступили съ отвѣтомъ, гдѣ, между прочимъ, заявляли, что «только признаніе гражданскихъ и національно-культурныхъ правъ еврейскаго народа можетъ создать изъ польскихъ евреевъ искреннихъ сотрудниковъ полякамъ въ работѣ надъ мирнымъ развитіемъ Польши». Это звучало какъ угроза, какъ требованіе капитуляціи. Отсюда и началась легенда о «прогрессивномъ антисемитизмѣ...»

Но ни гвалтъ, ни смѣхъ, ни жалобы, ни самыя искусныя интриги не пошатнутъ ни на мигъ мощныхъ идейныхъ устоевъ, на которыхъ опирается наша программа по еврейскому вопросу. Наши искренніе, смѣлые, патріотичные гра-

жданe-едиpомышленники еврейскаго происхожденія хорошо это знаютъ и не безпокоятся. А если отвратятся отъ насъ тѣ, у которыхъ не хватаетъ рѣшимости и воли, или чьи польскія чувства недостаточно ясны и исключительны,—тѣмъ хуже для нихъ и тѣмъ лучше для насъ.

Ассимиляція есть нашъ непоколебимый, принципіальный лозунгъ. Ассимиляція можетъ быть только абсолютной. Она не допускаетъ ни оговорокъ, ни мысленныхъ рестрикцій. Не для того мы землю нашу напоили кровью и слезами, не для того возлюбили народность нашу до экстаза, сто лѣтъ терпѣли и боролись, чтобы замѣнить нашу родину польско-еврейской. Не только обособленности на почвѣ языка мы признать и допустить не можемъ, но также и того не можемъ допустить, чтобы чувство солидарности съ гетто—съ этой несознательной, антиобщественной, некультурной вѣроисповѣдно-племенною группой—могло въ чемъ бы то ни было связать, ослабить, парализовать или измѣнить линію общенаціональныхъ стремленій. Ибо эта солидарность могла бы имѣть только одну изъ двухъ основъ: или національную, или религіозную. Національно-еврейская солидарность вообще исключаетъ изъ польскаго общества. Религіозную солидарность мы можемъ понять, признать, объяснить, уважать—но врядъ ли найдется для нея мѣсто въ нашемъ лагерѣ, который въ вѣроисповѣдныхъ формулахъ и обрядахъ видитъ только помѣхи на пути духовнаго и культурнаго развитія народа...

Разъ борьба неизбѣжна, мы должны требовать отъ публицистовъ и политиковъ, заявляющихъ о своемъ желаніи бороться подъ польскимъ прогрессивнымъ знаменемъ, чтобы они, не считаясь ни со своимъ происхожденіемъ, ни съ узами, связующими ихъ съ враждебной намъ средою, приняли въ этой борьбѣ участіе энергично и беззавѣтно—и чтобы содѣйствовали сй, по мѣрѣ силъ, непосредственной пропагандой ассимиляціи среди круговъ, откуда сами вышли—въ польскомъ, прогрессивномъ, свободомыслящемъ, демократичномъ духѣ...

И еще одно. Мы должны потребовать, чтобы они оставили свою преувеличенную обидчивость и подозрительность, которая проявляется при всякой дискуссіи о еврейскомъ во-

просѣ. Даже самые рѣзкіе и несправедливые упреки по адресу евреевъ скорѣе потеряли бы свою остроту, если бы споръ по поводу ихъ не вызывалъ тотчасъ же встрѣчныхъ попрековъ въ антисемитизмѣ.

II *).

... Въ еврейскомъ вопросѣ бушуетъ у насъ буйный огонь: одни хотятъ «очистить отъ евреевъ» польскую прогрессивную партію, другіе — отсѣчь всю семитическую вѣтвь отъ ствола націи, а третьи настаиваютъ на абсолютномъ равноправіи. Не стану раскрывать катехизисъ честной демократіи и читать оттуда теоретическія правила о гражданахъ одного и того же края, ибо они всѣмъ извѣстны. Но обращаю вниманіе на то, что намъ выпала печальная и трудная роль — приспособить эти нормальные принципы къ условіямъ, въ высшей степени ненормальнымъ.

Россія прорыла каналъ изъ Имперіи въ Царство Польское и спустила чрезъ него къ намъ значительную часть своего еврейскаго населенія, которое скопилось тутъ въ количествѣ, значительно превышающемъ нашу національную выносливость, нашу способность ассимилировать. Во всей Европѣ нѣтъ такой большой и сгущенной еврейской массы. И среди этой массы есть огромный процентъ такихъ элементовъ, которые не только отличаются отъ насъ, но и желаютъ отличаться. Къ этому надо прибавить, что мѣстное общество, лишенное самодѣятельности, лишенное ассимилирующихъ органовъ, не можетъ даже мечтать о поглощеніи и претвореніи этого наплыва, который все возрастаетъ и грозитъ въ полномъ смыслѣ слова залить нѣкоторыя области нашей жизни.

Здѣсь, такимъ образомъ, идетъ рѣчь не о томъ, какъ разрѣшить теоретическій вопросъ въ обыкновенныхъ условіяхъ, но о томъ, какъ разрѣшить вопросъ практическій въ условіяхъ исключительныхъ. Поэтому, когда прогрессисты-демократы желаютъ полнаго равноправія всѣхъ жителей края (напримѣръ — въ городскомъ самоуправленіи), — ихъ противники развиваютъ

*) Эта статья („Kult. P." 1910, № XII) подписана инициалами Н. Д.; но освѣдомленный и сочувствующій „Kurjer Poranny" (7 дек. 1910) цитируетъ ее какъ принадлежащую редактору „Kult. P."—А. Свѣнтоховскому.

это желаніе дальше до конечныхъ житейскихъ послѣдствій — до возможности перевѣса евреевъ въ выборныхъ органахъ, — и тѣмъ самымъ доводятъ принципъ до абсурда. Создалось положеніе, подобное тому, какъ если бы кто напомнилъ солдатамъ, стоящимъ на полѣ битвы, заповѣдь: не убій. Они бы искренно отвѣчали: прекрасно, мы не хотимъ убивать, но пусть въ насъ съ той стороны не стрѣляютъ...

Въ этомъ трагизмъ положенія самыхъ благородныхъ изъ прогрессистовъ.

Но, къ счастью, трагизмъ этотъ чисто идейный. Ибо весь антисемитско-филосемитскій турниръ на столбцахъ печати разыгрывается только предъ судомъ общественнаго мнѣнія, и одобреніе или неодобреніе изъ устъ послѣдняго будетъ единственнымъ практическимъ результатомъ состязанія... Что бы мы ни говорили, это на судьбѣ евреевъ не отразится, ибо ихъ положеніе будетъ опредѣлено только правительствомъ и его совѣщательнымъ органомъ—Думой. Если бы мы еще въ милліонъ разъ умножили тѣ бочки чернилъ и версты бумаги, что уже извели на еврейскій вопросъ, это не измѣнило бы ни на іоту той формы, въ которой разрѣшатъ его Гучковы, Пуришкевичи и Капустины. Небезполезно, конечно, то, что мы взаимно освѣщаемъ предъ собою важный общественный вопросъ — но не будемъ себя тѣшить самообманомъ, будто наши голоса могутъ перетянуть на вѣсахъ въ ту или иную сторону. Мы академически дискутируемъ — и больше ничего. А потому коло польское въ Думѣ, безъ всякаго риску для нѣкоторыхъ антисемитски-настроенныхъ своихъ членовъ и безъ всякой тревоги за практическія послѣдствія такого шага, можетъ голосовать за полное равноправіе евреевъ въ городскомъ самоуправленіи.

Сколько, однако, эта несчастная «черта осѣдлости» покривила и поломала въ насъ прочныхъ демократическихъ принциповъ, сколько нашихъ совѣстей исковеркала, какъ исказила сужденія и житейскія отношенія! А между тѣмъ не на нее обрушиваются главныя атаки нашихъ антисемитскихъ публицистовъ, а на ея жертвы, на вытѣсненныхъ ею вѣчныхъ странниковъ, которые должны-же гдѣ-нибудь пріютиться — и, естественно, втискиваются огромной массой туда, гдѣ найдутъ свободное

мѣсто. Они намъ нежелательны, обременительны, опасны — правда. Но развѣ мы сами, вытѣсненные изъ родимыхъ мѣстъ, мы, словно дикіе звѣри, загоняемые ловцами въ западню, — развѣ не вливаемся мы во всѣ края земли, гдѣ насъ часто только выносятъ, а иногда даже проклинаютъ? Развѣ не то же самое дѣлаетъ и нашъ несчастный переселенческій людъ?..

И. И. ПЕТРУНКЕВИЧЪ О ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКОМЪ КРИЗИСѢ.

Вы спрашиваете меня, каковъ мой взглядъ на нынѣшнія польско-еврейскія отношенія. Для меня это больной вопросъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ человѣческой жизни не только много элементовъ наслѣдственной некультурности, но и глупости.

Не только сейчасъ, но и раньше, когда организовалась наша конституціонно-демократическая партія, я былъ приверженецъ той идеи, что государство принуждено считаться съ многообразіемъ входящихъ въ него элементовъ. Ибо идея государства приводитъ насъ къ тому, чтобы въ немъ видѣть организованную силу, которая имѣетъ своей задачей объединеніе разнородныхъ частей и элементовъ.

Когда кадеты провозгласили идею автономіи Польши, они и тогда имѣли въ виду, что въ Польшѣ живутъ евреи, и тогда они сознавали, что на почвѣ автономіи должно быть создано гармоническое сожительство, а не порабощеніе національностей въ Польшѣ.

Вѣдь исторія на нашей сторонѣ. Нѣтъ такого государства, которое въ состояніи было бы на почвѣ порабощенія разрѣшать національные вопросы. Возьмите ирландскій вопросъ въ Англіи, польскій—въ Пруссіи, славянскій—въ Австріи,—и вы убѣдитесь, что система порабощенія осложняетъ національные вопросы, даже больше—она создаетъ и укрѣпляетъ выступающія на сцену новыя національности.

Польша—не исключеніе. Если поляки-націоналисты думаютъ во имя экономическихъ и политическихъ своихъ цѣлей отбросить элементъ еврейскій, то это несчастное заблужденіе —

это язва, которая гибельна какъ для поляковъ, такъ и для евреевъ. Такъ могутъ думать не реальные политики, а только чистые фантазеры, лишенные здраваго государственнаго и политическаго смысла. И въ Польшѣ еврейскій вопросъ точно такъ же, какъ польскій вопросъ въ Россіи, не можетъ быть разрѣшенъ на почвѣ порабощенія, а исключительно въ условіяхъ, когда всѣ элементы, населяющіе Польшу, будутъ объединены общею работой, общими интересами и сознаніемъ, что нѣтъ угнетающихъ и угнетаемыхъ. Я знаю, что Дмовскій старается объяснить отношеніе ка-детовъ къ польско-еврейскому спору тѣмъ, что мы, будто бы, заняли «еврейскую позицію». Это глубокое заблужденіе, или неправда. Въ вопросѣ объ автономіи Польши или равноправіи мы не стоимъ ни на польской, ни на еврейской точкѣ зрѣнія, и не имѣемъ главнымъ образомъ въ виду Польшу или евреевъ, а общенаціональный русскій государственный интересъ. Съ этой точки зрѣнія мы боремся съ русскимъ націонализмомъ и съ этой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія нашей практической политики, а отнюдь не исключительно на основаніи отвлеченныхъ началъ, мы и будемъ отстаивать какъ интересы Польши, такъ и равноправіе евреевъ. Мы думаемъ, что польскій антисемитизмъ, равно какъ и ограниченіе правъ евреевъ въ самоуправленіи, быть можетъ, отвѣчающіе экономическимъ или другимъ интересамъ опредѣленной группы въ Польшѣ, не могутъ не быть гибельны и вредны для поляковъ. Поляки должны созпавать, что они должны отстаивать принципъ національной свободы, потому что противовѣсомъ ему служитъ только принципъ другой — угнетенія и господства. А господствовать и угнетать, не поддерживая одновременно политики господства и угнетенія по отношенію къ полякамъ, имъ никогда не удастся. Если посмотрѣть на польскій вопросъ съ исторической точки зрѣнія, то Польша всегда стояла на почвѣ политической обособленности и вела поэтому борьбу съ Россіей, а Россія всегда преслѣдовала въ Польшѣ свои націоналистическія цѣли. Поскольку Польша будетъ едина какъ организмъ, не подверженный несчастіямъ внутренней борьбы и внутренняго расцеп-

пленія, она всегда будетъ имѣть право говорить съ Россіей, какъ нѣчто цѣлое, какъ край, у себя разрѣшившій національный вопросъ.

Порабощая, она теряетъ моральное право требовать для себя автономіи, ибо автономія Польши—это постулатъ, основанный на сознаніи необходимости гармоническаго сочетанія и сожительства національностей какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ. Пока поляки будутъ бороться съ еврействомъ — евреи будутъ смотрѣть на Польшу, какъ нынѣ смотритъ Польша на Россію, и вынуждены будутъ не считаться и съ общими политическими задачами Польши. Вѣдь, поляки не скрываютъ, что они готовы были бы за свободу и автономію быть составной частью Австріи. Но если смотрѣть на этотъ вопросъ не съ точки зрѣнія момента, то евреи въ Польшѣ—вѣковой историческій элементъ населенія, несомнѣнно, органически составная часть его, какъ ни кажутся рѣзкими извѣстные антагонизмы. И л и—и л и: если поляки станутъ на почву угнетенія и вытѣсненія евреевъ, евреи въ Польшѣ принуждены будутъ сыграть роль славянскихъ національностей въ Австріи; если же поляки сознаютъ, что для польскихъ евреевъ, несомнѣнно, Польша—своя страна, свой край, родина и т. д., то тѣмъ болѣе безсмысленна политика антисемитовъ. Я не высказываюсь по существу о еврейскомъ жаргонѣ и національной еврейской культурѣ, я не изучилъ этого вопроса, но для меня ясно одно, что всякая надежда на ассимиляцію погибнетъ, если поляки будутъ стоять на почвѣ борьбы съ евреями. Пусть поляки не заботятся о томъ, много или мало пріобрѣтутъ евреи при равноправіи въ самоуправленіи. Въ мирной общей работѣ не будетъ антагонизмовъ. Общая работа выдвинетъ впередъ наилучшіе элементы какъ польскіе, такъ и еврейскіе. Она искоренитъ національнистическіе инстинкты, ведущіе къ раздорамъ.

Я не вѣрю въ то, чтобы евреи злоупотребляли во вредъ полякамъ своимъ численнымъ перевѣсомъ въ органахъ самоуправленія. Польскій интересъ находитъ свою защиту не только въ томъ, что у поляковъ будутъ свои гласные въ большинствѣ, а въ томъ, что весь комплексъ культурныхъ и политическихъ

силъ въ Польшѣ всегда гарантируетъ имъ преобладаніе въ польскомъ краѣ. Какъ культурная сила—Польша непобѣдима не только у себя, но и во внѣ. Этого не сознаетъ г. Дмовскій, который вѣритъ въ силу, служившую опорой для Бисмарка. Его культъ силы какъ во внутренней политикѣ Польши, такъ и въ отношеніяхъ къ государствамъ и партіямъ, вводитъ его въ чрезвычайныя заблужденія. Дмовскій не понимаетъ, что Бисмаркъ могъ надѣяться быстро покончить съ осложненнымъ національнымъ вопросомъ силой, ибо такія государства, какъ Германія или Англія, по крайней мѣрѣ, эту силу имѣютъ. Другое дѣло Польша. Свой еврейскій вопросъ, поскольку онъ существуетъ, она не разрѣшитъ силой, тѣмъ болѣе, что и самостоятельныя и большія государства въ нашъ вѣкъ культуры и самосознанія исключительно силой національныхъ вопросовъ разрѣшать не въ состояніи.

Поляки боятся жаргона, они боятся, что онъ превратится въ большой и культурный, національный языкъ еврейскаго народа въ Польшѣ. Но, вѣдь, ясно одно, что путемъ борьбы и ненависти къ нему они этого языка не уничтожатъ. Мирное сожительство могло бы привести или къ слiянію, или вѣрнѣе къ такому урегулированному сожительству поляковъ и евреевъ, которое отнюдь не могло бы разрушать польской культуры. А путь борьбы—онъ не только нечеловѣченъ но даже и volapük могъ бы превратить въ языкъ національный и сильный. Еврейскій жаргонъ, еврейская литература, это неизбѣжный продуктъ эпохи націонализма, законный постольку, поскольку законенъ націонализмъ. Несомнѣнно одно, борьба съ жаргономъ усиливаетъ тяготѣніе евреевъ къ жаргону, укрѣпляетъ жаргонную прессу, языкъ, литературу.

Польскіе націоналисты поддерживаютъ націонализмъ еврейскій, но они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ орудіемъ для цѣлей, которыя преслѣдуютъ русскіе полонофобы и націоналисты. Польско-еврейскій споръ поддерживаютъ и будутъ поддерживать всегда всѣ глашатаи политики divide et impera и всѣ тѣ, кто угнетаетъ поляковъ, а также и евреевъ. Ограниченія въ самоуправленіи для евреевъ понравились многимъ польскимъ шовинистамъ, но они забыли, что эти ограниченія про-

водятся въ жизнь тѣми, кто угнетаетъ поляковъ, что самъ законопроектъ съ ограниченіемъ евреевъ созданъ правительствомъ въ разгаръ антипольской кампаніи. Не можетъ же польскій націоналистъ предполагать, что авторы ограниченій дѣйствительно заботятся о чисто польскихъ культурныхъ интересахъ. Куріи по національностямъ, по классамъ необходимы тѣмъ, кто стремится къ разъединенію. Куріи эти превращаютъ Россію не въ единную, единствомъ сильную страну, не въ цѣлый и цѣльный организмъ, а въ конгломератъ группъ, разбитыхъ, разъединенныхъ, въ разбродъ идущихъ. Поляки попались на удочку, если имъ показалось, что куріи и ограниченія для евреевъ принесутъ имъ пользу. Они превратятъ Польшу не въ болѣе сильную культурно страну, а въ болѣе слабую—культурно, политически и экономически—окраину, страдающую отъ внутренней борьбы и неразрѣшимыхъ національныхъ вопросовъ.

Польско-еврейскій споръ вреденъ и опасенъ съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ и національно-русскихъ интересовъ. Онъ также вреденъ и опасенъ съ точки зрѣнія какъ польской, такъ и еврейской.

2007050508